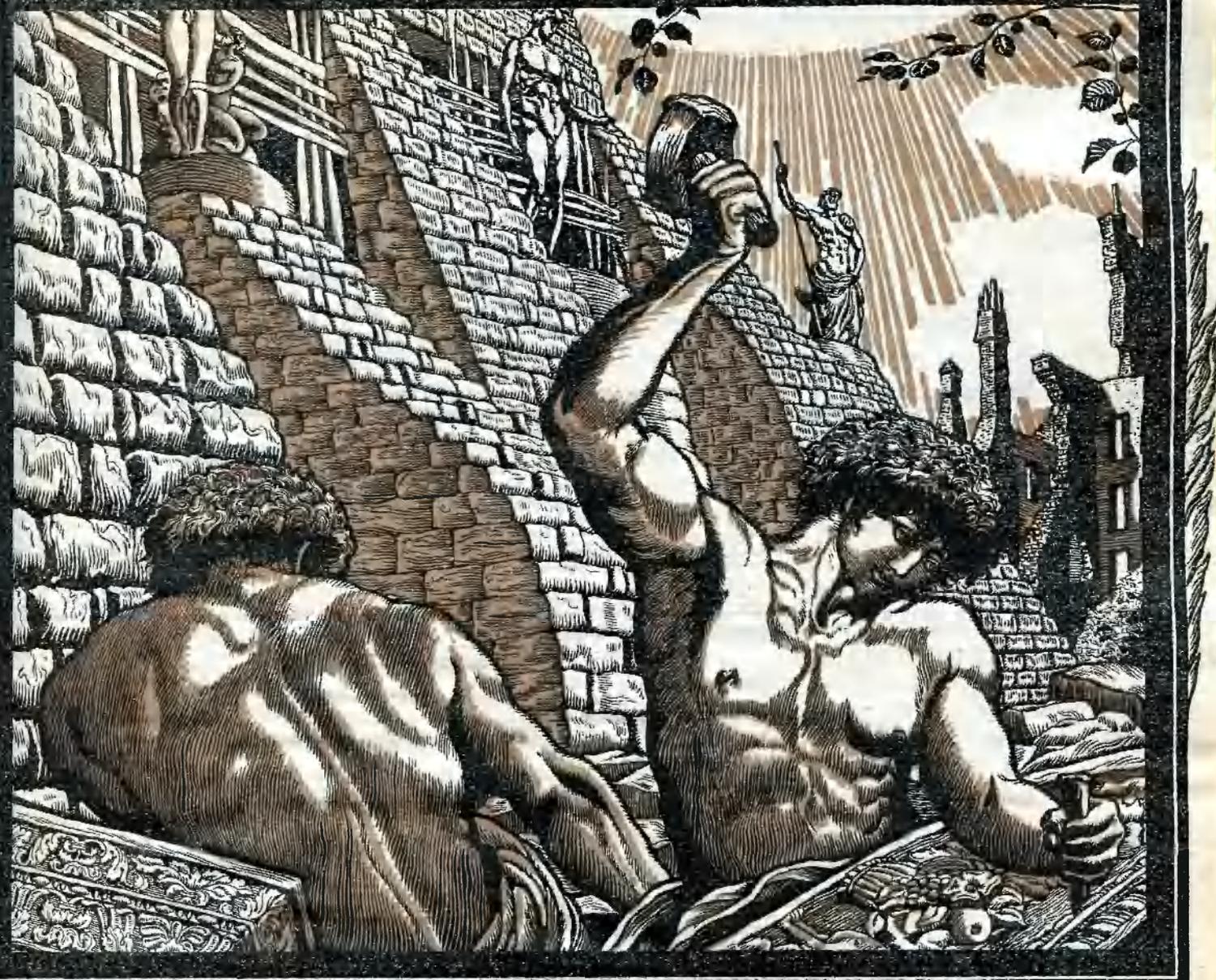

XVI 49424 1129

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1915

№ 10

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
И ЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

СОДЕРЖАНИЕ № 10.

Обо всемъ: 1) „Говорятъ“. 2) „Брячущие болтуны“. 3) „Англичанинъ о Россіи“. 4) „Возвращение М. М. Ковалевскаго“. 5) „Отъ Редакции“.

HUGH WALPOLE. „Русские и англичане“ (статья).

Андрей Соболевъ. „Ностальгия“ (разсказъ).

М. Новорусскій. „Очевидная нецѣлесообразность“ (статья).

Д. Митрохинъ. „Бѣдствія войны“ Жака Калло“ (статья).

Владимиръ Гиппюсъ. „Памяти Г. М. Григорьева“ (статья).

ВѢСТИ и МНѢНІЯ. Соглядатай. „Бродячая собака“. **Д. Крючковъ.** „Нѣмое искусство“.

ХРОНИКА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Жанъ Калло (1592—1635). 6 рисунковъ изъ серіи „Бѣдствія войны“ (стр. 14, 15, 16 и 17).

Стефано дотта Белла (1610—1664). 3 рисунка изъ серіи „Война“—около 1645 г. (стр. 1, 19 и 20), „Польскій крылатый гусарь“ изъ серіи „Польское посольство въ Римъ въ 1633 году“ (стр. 18).

Военныя иллюстраціи: Снимки офицера. „Изъ жизни *** батареи“ 7 снимковъ (на стр. 2, 3, 4 и 5), „Германскіе военнопленные во Франціи“ (стр. 6), „Индійскія войска во Франціи“ (стр. 7), „Футбольный матчъ на передовыхъ позиціяхъ“ (стр. 8), „Англичане взрываютъ нѣмецкія мины“ (стр. 9), „Щепелинъ“ (стр. 10), „Генералиссимусъ Жоффръ“ (стр. 11).

ЗАСТАВКИ: **Б. П. Попова** (стр. 5).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2. тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пяти., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемые въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые маркіи. Непринятые рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскіи, Анна Ахматова, С. Ауслендеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, В. Богучарскіи, Н. Бородинъ, В. Бруснянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскіи, Б. Веселовскіи, Л. Галичъ, В. Гиппюсъ, З. Гиппюсъ, Г. Георгіевскіи, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зеймингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, Р. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Окуневъ, Г. Орбели, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, В. Сологубъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Ан. Чеботаревская, Георгій Чулковъ, М. Шагиняиъ, К. Эрбергъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, А. Иванова, Л. Квятковскій, Г. Лукомскіи, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауреръ, С. Яремичъ и др.

Каждый **НОВЫЙ** подписчикъ получаетъ **ВСѢ** **НОМЕРА** журналовъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ или „**ВСЕМИРНАЯ НОВЬ**“ съ приложениями, начиная съ № 1-го.

Необходимо при уплатѣ **ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА** точно указать, желательнo ли получать журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**, или **БЕЗЪ** этихъ книгъ, а журналъ „**ВСЕМИРНАЯ НОВЬ**“—съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО** съ пересылкой—**8 р. 50 к.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ—**3 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го юня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**
Цѣна за 6 мѣс.—**4 р. 25 к.**, за 3 мѣс.—**2 р. 12 к.**

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полнаго собранія сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**), съ пересылкой: за годъ—**4 р. 50 к.**, за 6 мѣс.—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.** Разсрочка допускается: при подпискѣ—**2 р. 50 к.**, къ 1-го юня—**2 р.**

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать **СТАРЫЙ АДРЕСЪ** и **ТРИДЦАТЬ (30)** коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Ам. Общ. Издательства А. А. Каспари имѣетъ честь напомнить о томъ, что

1-го МАРТА НАСТУПИЛЪ СРОКЪ ВЫСЫЛКИ ДОПЛАТНЫХЪ ДЕНЕГЪ

для тѣхъ гг. подписчиковъ, которые до сихъ поръ уплатили за журналъ съ сочин. Л. Толстого **МЕНѢ 5 р. 50 к.**

Лицъ, подписывающихся на журналъ „**ВСЕМИРНАЯ НОВЬ**“ съ книгами сочиненій Л. Н. **ТОЛСТОГО**, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„**СЪ** сочиненіями **Л. ТОЛСТОГО**“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. **82** (полное собраніе **ВСѢХЪ** сочиненій) или **50** (собрание **ТОЛЬКО** беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. **ТОЛСТОГО** подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соотвѣтственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемые.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 10

4 марта 1915 г.

S. D. la Bella fecit

F. L. D. Civitas exc. Cum Priull. Regis

Стефано делла Белла. (1610—1664.) „Война“.

ОБО ВСЕМЪ.

Говорятъ.

Гимназистка пишетъ изъ провинціи:

„Здѣсь очевъ трудно, потому что всѣ говорятъ—и все разное. Не знаешь, чему отдаться. Вначалѣ у насъ шли, потомъ двѣ изъ насъ убѣжали на войну, но ихъ вернули, и онѣ ужъ ничего. Послѣ въ нашъ городъ пріѣзжалъ Дальскій, играли „Позоръ Германіи“. Какъ-то странно. Потомъ лекторы публичные изъ столицы стали пріѣзжать. Читали не то что неинтересно, а все различное. Недавно вдругъ пріѣхалъ Игорь Сѣверянинъ и далъ поэзо-вечеръ. Многіе было увлеклись, но потомъ стало неприятно, особенно когда онъ прочелъ: „Да здравствуетъ святая трусость!“. Что нибудь одно: или

храбрость свята, или трусость. Мы не знаемъ, что думать, именно потому, что всѣ говорятъ различно. Навѣрное гдѣ нибудь что нибудь извѣстно. Но по столичнымъ газетамъ и журналамъ никакъ нельзя понять. Какъ будто тоже разное“.

На это письмо, если быть искреннимъ, можно отвѣтить: И у насъ всѣ говорятъ, говорятъ—и „все разное“. И у насъ „Позоръ Германіи“, лекторы и поэзо-вечера. Все, что у васъ, то и у насъ. Только у насъ нѣтъ надежды, что „гдѣ-то, кто-то знаетъ одно, нужное“, зисегъ, „какъ надо думать“, потому что и „Позоръ Германіи“—наше, собственное, здѣшнее, созданье, и лекторы—мы же сами, и на „поэзо-вечерахъ“ сами озвѣряемся; это мы сами все говоримъ, говоримъ, говоримъ.. и всѣ—разное.

Брянчаще болтуны.

Недавно, на очередной „славянской трапезѣ“, Д. И. Вергунъ съ гордостью заявилъ, что наконецъ-то разрушенъ одинъ изъ столповъ „германофильства“... С. И. Тимашевъ. Выходило какъ-то такъ, что честь этой „побѣды“ Вергунъ и славянскіе сотрапезники приписываютъ отчасти и себѣ. Кажется, Д. И. Вергунъ теперь состоитъ въ русскомъ подданствѣ, но все-таки ему не мѣшало бы вести себя въ пріотивней его странѣ нѣсколько поскромнѣе. Не строить изъ себя верилителя судебъ внутренней политики Россіи. Съ другой стороны, очень характерно, какими пустяками записываются „славянскіе сотрапезники“, во главѣ съ однимъ изъ самыхъ шумливыхъ людей—А. Н. Брянчаниновымъ.

Въ Россіи непочатый уголь черной, самой необходимой, работы. „Славянскіе сотрапезники“ ея чуждаются. Главная ихъ забота—пошумѣть, покричать, наговорить какъ можно больше громкихъ словъ. Просто досада беретъ, когда видишь, какая пѣна подымается надъ глубинами Россіи, гдѣ происходитъ серьезное, сосредоточенное дѣланіе. Громкія, пустозвонныя слова „славянскихъ сотрапезниковъ“ особенно коробятъ, когда трудовая и демократическая Россія оплакиваетъ кончину самоотверженныхъ своихъ депутатовъ—А. М. Колюбакина и кн. В. Л. Геловани. Оба за свои слова пожертвовали своей жизнью. У нихъ слова не расходились съ дѣломъ. А сколько дѣтей Россіи сложили свою голову за родину, оставаясь въ рѣзкой безвѣстности, молчаливо, скромно, вѣрнѣе героически!

Казалось бы, уваженіе къ этимъ героямъ-молчаливкамъ требуетъ особой серьезности, особаго сознанія отвѣтственности каждаго слова.

Но наши „болтуны-сотрапезники“ совершенно безотвѣтственны. Погруженные въ бюрократическія интриги, они кичатся дешевыми безкровными побѣдами и радуются, когда одинъ министръ замѣняется другимъ, какъ будто въ миниперскихъ канцеляріяхъ рѣшается судьба Россіи.

Англичанинъ о Россіи.

Обращаемъ вниманіе читателей на интересную статью Хьюга Вальполя. „Чужая душа—потемки“,—говоритъ народная мудрость. Но если трудно до конца понять чужую индивидуальность, насколько труднѣе понять чужую народность? Съ

большой искренностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ скромностью, авторъ статьи подымаетъ завѣсу надъ таинственной для насъ психологіей англійскаго интеллигентнаго и демократическаго общества; объясняетъ, что значить пресловутый прагматизмъ „Джона Булля“, сколько цѣломудреннаго идеализма скрыто подъ этой дѣловой маской.

Русскіе страшно экспансивны. Во всякое время дня и ночи они готовы изливать свои сокровенныя мысли предъ почти неизвѣстными людьми, рассказывать всю свою біографію чуть ли не первому встрѣчному. Англичане грѣшатъ противоположными свойствами. До послѣднихъ предѣловъ сдержанные, они крайне скупы на слова, не любятъ никакихъ интимностей, противопоставляютъ славянской „словесности“ англійскую „дѣловитость“.

Силою вещей, на полѣ брани двѣ столь непохожія другъ на друга націи сблизились, объединились; начали пристально всматриваться другъ въ друга, искать другъ въ другѣ не недостатки, а достоинства.

Мы твердо вѣримъ, что по окончаніи войны это взаимное пониманіе еще болѣе углубится, что сближеніе Англии съ Россіей явится однимъ изъ самыхъ серьезныхъ культурныхъ завоеваній настоящей войны.

Возвращеніе М. М. Ковалевскаго.

Еще очень недавно (см. № 6) мы вспоминали „заложника“ М. М. Ковалевскаго, и Н. А. Бородинъ на страницахъ „Г. Ж.“ посылалъ ему во вражескую страну свой дружескій привѣтъ.

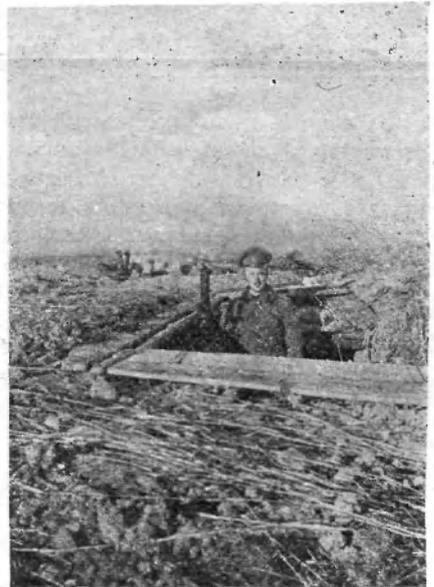
Нынѣ М. М. Ковалевскій благополучно вернулся въ Россію, и „Голосъ Жизни“ вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ говоритъ ему: „Добро пожаловать“.

Отъ Редакціи

Начиная съ 14-го номера, будутъ разсылаться подписчикамъ сочиненія Л. Н. Толстого. Задержка произошла изъ-за бумаги, спеціально заказанной для настоящаго изданія. Въ ближайшемъ номерѣ „Г. Ж.“ мы помѣстимъ подробный планъ изданія и распределеніе матеріала по томамъ.

*** баттарея. (Снимокъ офицера.)

Из жизни *** баттарен. (Снимки офицера.)

HUGH WALPOLE.

РУССКІЕ И АНГЛИЧАНЕ *).

Завершение перваго полугодія войны вызвало у всѣхъ насъ особое влеченіе къ подведенію итоговъ, къ пророчествамъ, къ высказыванію надеждъ и осужденію относительно будущаго. Въ тѣ первыя недѣли, которыя теперь кажутся безконечно далекими, огромныя размѣры и мощь событій, возликнившихъ, какъ намъ тогда казалось, по мановенію руки единичнаго властителя, затмили въ глазахъ всѣхъ насъ самый характеръ войны. Всѣ мы — русскіе, французы, англичане — такъ же, какъ и нѣмцы, были убѣждены, что, что бы намъ ни уготовила судьба, пораженіе или торжество, во всякомъ случаѣ пораженіе будетъ быстрой, потрясающей катастрофой, а побѣда ослѣпительнымъ торжествомъ. И яркость предугадываемой развязки создавала въ насъ тѣ иллюзіи, которыя неминуемо связаны со всякимъ потрясающимъ зрѣлищемъ.

Но шесть мѣсяцевъ войны, самой медлительной въ исто-

*) Настоящая статья, характерная для взглядовъ английской интеллигенціи на духовную связь Англии и Россіи, принадлежитъ перу молодого англійскаго романиста, Хьюга Вальполя, обратившаго на себя вниманіе романами «M-r Perrin and M-r Trail», «Fortitude» и др. Ему посвященъ обстоятельный критическій очеркъ въ книгѣ Henri James'a «Notes on Novelists». Идея всѣхъ романовъ Вальполя — выдвинуть духовный элементъ въ англійскомъ характерѣ, стѣсненномъ условностями и «комфортомъ» англійскаго быта въ среднемъ и высшемъ классахъ. Г-нъ Вальполь находится въ настоящее время въ Петроградѣ. Хорошо владѣя русскимъ языкомъ, онъ съ глубокимъ вниманіемъ изучаетъ сложную для иностранца психологію русскаго общества. Считаая союзъ съ Англійей однимъ изъ громаднѣхъ культурныхъ завоеваній настоящей войны, Редакція съ особымъ удовольствіемъ помѣщаетъ статью виднаго представителя дружественной намъ странѣ.

Прим. Ред.

ри войнѣ, самой неэффектной съ внѣшней стороны, показали намъ, что каждому изъ насъ въ отдѣльности и всѣмъ намъ вмѣстѣ приходится пройти черезъ тягчайшее испытаніе, когда либо возложенное на человѣчество. Намъ приходится не только напрягать до послѣдней крайности всѣ наши силы, жертвовать всѣмъ, что у насъ есть, отдавать жизнь, отказываться отъ честолюбивыхъ замысловъ, отъ зачатыхъ иллюзіи, но, весьма возможно, жертвовать всѣмъ этимъ даже не для искупающей жертвы высокой цѣли, не для великаго наступательнаго движенія въ развитіи человѣчества, не для блестящей побѣды идеализма надъ матеріализмомъ, не для побѣды права надъ силой. До чего теперь, казалось бы, могутъ торжествовать наши пессимисты, привыкшіе утверждать, что все свершающееся — всегда къ худшему, что если есть Богъ, то Онъ — скептическій духъ, высмѣивающій жалкія судороги своихъ безпомощныхъ марионетокъ. „Міръ идетъ назадъ на тысячу лѣтъ“, — восклицаютъ они. „Люди хватаютъ другъ друга за горло, какъ въ каменномъ періодѣ, причѣмъ въ то время они знали, за что они дерутся, въ настоящее же время происходитъ самая чудовищная комедія со времени сотворенія міра“. Но пусть они говорятъ, что имъ вздумается, пусть пользуются представившимся имъ удобнымъ случаемъ. Время и ходъ событій покажутъ, насколько они были правы или неправы.

Но и здѣсь, въ Россіи, и у насъ, въ Англии, раздаются голоса пессимистовъ, которые могутъ дѣйствительно привести существенный вредъ своимъ скептицизмомъ и отчаяніемъ. Ихъ пессимизмъ въ большинствѣ случаевъ вполне искренній и ихъ сужденія въ значительной степени обоснованны. Но все же я глубоко убѣжденъ, что они заблуждаются, и полагаю, что пора разъяснить имъ, въ чемъ ихъ ошибка.

Въ началѣ войны дѣйственный союзъ Россіи и Англии — совершенно новый въ исторіи фактъ — былъ какъ бы деревомъ, мгновенно зацвѣтшимъ нынѣшнимъ цвѣтомъ въ обоихъ странахъ. Въ этомъ внезапно яркомъ цвѣтеніи было какъ будто нѣчто искусственное, нѣчто тепличное. Въ Англии, правда, въ послѣдніе годы шло подготовленіе къ духовному единенію съ Россіей, но только среди небольшой группы интеллигентовъ. Въ Россіи люди, преданные благу своего народа, увидѣли въ союзѣ съ Англійей не только возможность пораженія Германіи, но и нѣчто гораздо болѣе значительное — возможность осуществленія внутреннихъ освободительныхъ задачъ русскаго духа. „Англия, — говорили они, — можетъ оказать намъ ту практическую помощь, въ которой мы нуждаемся. Мы всегда были и продолжаемъ быть идеалистами, въ то время какъ англійскій демократизмъ прежде всего практиченъ. Союзъ нашей мечты съ англійскимъ умѣниемъ проводить задуманное къ непосредственной дѣйственности приведетъ къ торжеству прогрессивныхъ началъ въ Россіи“.

Я не думаю, чтобы Англия, въ особенности въ началѣ войны, понимала идеалы Россіи. Но разнымъ причинамъ, географическимъ, политическимъ, коммерческимъ, настоящая война — дѣло непосредственныхъ практическихъ интересовъ. Въ то время какъ русскій спрашиваетъ себя: „Окажется ли война въ конечномъ результатѣ благотворной для русскаго духа?“, — англійчанинъ говоритъ: „Мы должны довести борьбу до конца всеми средствами, какими только мы можемъ располагать. Ничто другое не должно въ настоящую минуту отвлекать вниманіе“. И черезъ весь европейскій материкъ доносится вопрошающій крикъ Англии: „Сколько вы намъ посылаете войскъ? Облегчаете ли вы натискъ на нашъ фронтъ? Приближаетесь ли вы къ Берлину?“.

Такого рода требованія кажутся русскимъ тѣмъ болѣе несправедливыми, что задачи, предстоявшія англійскому флоту, были чужды русскому пониманію. Московскій извозчикъ ждалъ, что „англійчанинъ“ приплыветъ къ Москвѣ: рѣкѣ на судахъ, нагруженныхъ закопанными въ цѣпи германцами, въ томъ числѣ съ кайзеромъ и кронпринцемъ. Многие русскіе спрашивали меня въ началѣ октября: „Почему англійскій флотъ ничего не дѣлаетъ? Это — лучший флотъ въ мірѣ! Почему онъ бездѣйствуетъ?“ Я полагаю, что въ настоящее время мало уже найдется русскихъ, которые не понимали бы, что англійскій флотъ не бездѣйствуетъ, и не отдавали бы себѣ отчета, что Петроградъ былъ бы теперь въ совершенно иномъ положеніи, если бы не было безмолваго, но неустанно обдѣлительнаго дезора со стороны англійскаго флота.

Все же пессимисты пользуются случаемъ проявить свой скептицизмъ: „Какое дѣло Англии, — говорятъ они, — до идеаловъ русской демократіи? Развѣ англійчане думали когда либо объ идеалахъ, да еще вдобавокъ о чужихъ? Глаза англійчанина стремлены на рынки, оны заняты повышеніемъ и повыше-

ніемъ своихъ конзолей, безопасностью своихъ торговыхъ судовъ“. Традиционная карриатура на Джонъ Були съ его плотнымъ туловищемъ, раскормленнымъ бифштексами и пудингами, съ его ясными, жесткими глазами, чуждыми всякаго полета фантази, съ его ногами, такъ твердо стоящими на землѣ, что никакая мечта, хотя бы самая небесная, не могла бы сдвинуть его съ мѣста — эта карриатура часто представлялась, быть можетъ, въ послѣднее время взорамъ многихъ русскихъ. „Ну, вотъ, — наипрѣвѣстѣ пессимисты, — развѣ такой человекъ станетъ раздѣлять ваши мечты? Не все ли ему равно, томится ли, или воспринять русскій духъ? Отбросьте иллюзи. Взгляните на него трезвыми глазами — посмотрите, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ“. И это — еще не все, что говоритъ пессимистъ. „Помните, — настаиваетъ онъ, — что Джонъ Булю не только нѣтъ дѣла до вашихъ идеаловъ, но что онъ къ тому же безпоощающъ въ защитѣ своихъ интересовъ. Каждый англійчанинъ горитъ желаніемъ растерзать Германію на мелкіе кусочки, развѣять по вѣтру весь германскій народъ, растоптать мѣсто, на которомъ стояла Германія. Развѣ это вяжется съ идеализмомъ? Отбросьте всякія иллюзи. Нужно видѣть англійчанина такимъ, каковы они на самомъ дѣлѣ. Англия будетъ бороться — ну, да — будетъ бороться до послѣдней капли русской крови“.

Я твердо и рѣшительно утверждаю, что эта карриатура на англійчанина — просто ложь. Въ Англии тоже существовала въ теченіе долгихъ лѣтъ карриатура на Россію, столь же несодѣлываемая истина. И только теперь, предъ лицомъ потрясающихъ событий, раскрылась бессмысленность старой карриатуры. Россія представляется Англии въ совершенно новомъ свѣтѣ, и тѣ же самые люди въ Англии, для которыхъ еще годъ тому назадъ Россія была лишь страной мелодраматичныхъ „нигилистовъ“, въ настоящее время преисполнены величайшихъ ожиданій отъ единенія съ Россіей. Не будетъ ли справедливымъ выразить пожеланіе, чтобы и Россія въ свою очередь изъяла изъ памяти вымышленную

карриатуру на Джонъ Буля? Почему, въ силу какой особенности англійскаго духа, англійчане почувствовали съ самаго начала войны, что сущность русской души отвѣчаетъ ихъ самымъ сокровеннымъ идеаламъ? Всего годъ или два тому назадъ въ Англии появился первый полный переводъ Достоевскаго. „Братья Карамзовы“ были до того совершенно неизвѣстны въ Англии, и многіе русскіе, придерживающіеся общепринятаго мнѣнія объ англійчанахъ, были бы поражены, узнавъ, какимъ драгоценнымъ открытіемъ эта книга сдѣлалась для многихъ англійчанъ. Она разошлась во многіхъ тысячахъ экземпляровъ — и то, что писали лучшие изъ англійскихъ критиковъ о романѣ Достоевскаго, показываетъ, что въ Англии поняли и оцѣнили самое существенное въ „Братьяхъ Карамзовыхъ“ — ту мистическую русскую стихію, которая — въ силу

Изъ жизни *** батальона.
(Снимокъ офицера.)

Из жизни *** баттареи. (Снимки офицера.)

столь распространенного предубеждения — должна была бы быть наиболее чуждой материалистической трезвости утвердившагося в жизни Джонъ Були.

Достоевскій задѣлъ одну изъ сокровенныхъ струнъ въ англійской душѣ, и единственно важное—то, что струна эта звучитъ, указывая на близость и родственность англійской и русской души. Но психологическая особенность англійчанъ заключается въ ихъ выработанной въ ками душевной сдержанности, въ инстинктивной боязни высказывать свои индивидуальныя нереживанія, въ стараніи каждаго виѣшнимъ образомъ не выдѣляться изъ общаго уровня. Я помню взволнованный восторгъ, съ которымъ одинъ мой литературный пріятель говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него „Братьями Карамазовыми“. Но, говоря о своихъ чувствахъ, онъ прибавилъ: „До чего бы надо мной потѣшались, если бы знали о моемъ увлеченіи Карамазовыми“.

Въ этихъ словахъ—весь англійскій характеръ. Англійчанинъ избѣгаетъ говорить о томъ, что священно для его души; онъ хочетъ казаться такимъ же, какъ все его окружающее. Онъ боится обнажить свою душу, столь же исполненную идеаловъ и мечтаній, какъ и болѣе рвущаяся наружу русская душа. Нуженъ великій душевный кризисъ, своего рода землетрясеніе, для того, чтобы душа его выплыла наружу, переставъ укрываться за удобныя условности разбѣренной, благоустроенной нормальной жизни въ Англій... Этотъ кризисъ теперь наступилъ—и у англійчанъ явилось внутреннее оправданіе для идеалистическихъ устремленій. Но ихъ сдержанность останется прежней, слова имъ даются нелегко, ихъ нужно понять, не требуя отъ нихъ самозіянія.

И вотъ тутъ Россія имъ можетъ помочь. До тѣхъ поръ, пока русскіе будутъ имъ повторять: „Не говорите о какихъ либо идеалахъ. Все, къ чему вы стремитесь, это—разгромъ Германии. Вамъ нужно только созранить ваши рынки и ваши

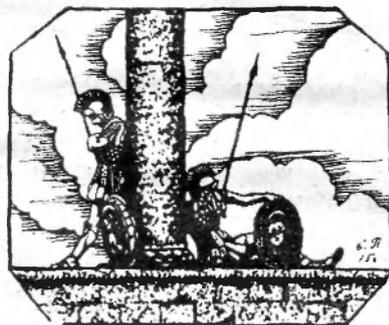
дивиденды. Я васъ отлично знаю“,—до тѣхъ поръ англійчане неминуемо будутъ отвѣчать: „Отлично. Если вы насъ видите въ такомъ свѣтѣ, мы таковы для васъ. Если вы намъ не довѣряете и судите по виѣшности, мы останемся сокрытыми для васъ“.

Но если внимательно приемотрѣться къ Англій, то можно увидѣть явные до очевидности признаки того, что англійчане всѣхъ классовъ обнаруживаютъ горячее стремленіе идти въ грядущіе годы рука-объ-руку съ Россіей, узнать и понять ее болѣе глубоко, и не только поскольку это затрагиваетъ политическіе и экономическіе интересы Англій. Это стремленіе сказывается у англійчанъ всѣхъ возрастовъ, во всѣхъ областяхъ англійскаго духа, во всѣхъ направленіяхъ англійской мысли.

Каждый англійчанинъ безъ исключенія чувствуетъ непреклонную рѣшимость сразить милитаризмъ, который дѣлаетъ возможной такую войну, какъ настоящая. Но за этой непосредственной, близкой цѣлью таятся мечты о торжествѣ всемірной демократіи, быть можетъ, болѣе близкой, чѣмъ намъ теперь кажется. И, повторяю, новыя яркія мечты англійчанъ связаны съ тѣмъ, что для нея открылось въ русскомъ духѣ. Нельзя и ожидать, что съ виѣшной стороны англійчане и русскіе одинаково бы проявляли свое мироотношеніе: историческія и географическія условія, въ ковые нравы создали различные типы людей въ нашихъ двухъ странахъ. Но за этими физическими различіями таятся родственная душа двухъ народовъ, душа, которую англійчане, быть можетъ, до сихъ поръ не сознавали въ себѣ, ибо англійчанинъ не привыкъ созерцать свою душу... Дѣло русскихъ помочь душѣ англійчанъ и прежде всего понять ее—будущее міра въ ихъ рукахъ.

Hugh Walpole.

Петроградъ.

Германские военнопленные во Франции

АНДРЕЙ СОБОЛЬ НОСТАЛЬГИЯ.

1.

Въ первый разъ я увидѣлъ ее въ музеѣ Виртца. Она долго стояла предъ одной картиной, которую я больше всего любилъ. И мы заговорили. Это произошло случайно, какъ бываетъ всегда въ театрахъ, въ галереяхъ, когда между вами и совершенно незнакомымъ вамъ человѣкомъ вдругъ протягиваются нити какой-то особенной близости, создавшейся внезапно при той пли иной музыкальной фразѣ, при томъ или иномъ движеніи кисти.

Изъ музея мы вышли вмѣстѣ. Брюссель мокъ подъ дождемъ, но, какъ всегда, онъ былъ прекрасенъ той неумирающей красотой, когда все некрасивое и темное, соприкасаясь съ ней, становится нужнымъ, очаровательнымъ, той неумирающей красотой, когда гримасы и улыбки неба въ общеніи съ нею равноцѣнны.

Не стоворившись заранѣе, мы остановились у церкви св. Гудулы.

— И вы сюда?

— И я.

Я не помню, кто изъ насъ первымъ засмѣялся надъ страннымъ совпаденіемъ, но одно я помню: странное перестало быть страннымъ, какъ только надъ нами раскрылись церковные своды.

2.

Я жилъ на улицѣ Sans Soucis, она—la Rue des Tulipes, и, какъ часто происходитъ, жизнь и тутъ выкинула одну изъ своихъ шутокъ, правда, не особенно злую, но я даже не виню ея, и, насколько мало цвѣтовъ было на пути у моей новой знакомой, настолько много заботъ было у меня. Но мы смѣялись, и когда однажды я купилъ ей цвѣты (первый гонораръ за первую и послѣднюю корреспонденцію изъ Брюсселя), она рѣшила, что теперь названіе ея улицы оправдано.

— А моей?

Она улыбаясь взглянула на меня:

— Будьте беззаботны.

Я пожалъ ея крошечную руку и тутъ же сказалъ:

— Какая вы маленькая.

Она встала рядомъ, вскинувъ голову:

— Эге, да вы настолечко только выше.

Правда, мы оба были не особенно высокаго роста и можетъ быть, потому мы такъ часто глядѣли вверхъ, въ небо, не замѣчая, что подъ ногами. Вечеромъ въ café съ зеленой вывѣской я спорилъ съ нею. Она утверждала, что большинство эмигрантовъ маленькаго роста, а я не соглашался съ нею.

— Неужели вы на это обратили вниманіе? Да, да, право. Большинство русскихъ эмигрантовъ—крошечные, очень маленькіе.

— Но съ большимъ характеромъ.

— Обязательно.

Я хотѣлъ еще добавить: „И всегда съ такими чудесными глазами, и всегда съ такой тихой, большой улыбкой“.

Но не добавилъ, не спросилъ: я прошепталъ весь вечеръ. Въдь понятно: я—съ улицы Sans Soucis.

Я проводилъ ее. Потомъ долго бродилъ по городу. Брюссель спалъ. По кружевнымъ стѣнамъ ратуши бережно-тихо скользили лунные отблески, словно боялись задѣть, спутать тонкіе узоры.

3.

Она жила на пятомъ этажѣ, и въ такой крошечной комнаткѣ, что даже для нея она казалась маленькой, а лѣстница, кстати никогда не освѣщаемая, была чѣмъ угодно, но только не лѣстницей порядочнаго жилого дома: хитроумное архитектурное произведеніе, тайны котораго я долго не могъ постичь.

Въ своей комнатѣ я регулярно каждый день задыхался отъ дыма: моя хозяйка, на рѣдкость худошавая фламандка,

Индійскія войска во Франци.

вначе не топила каминь, какъ обволакивая меня, себя и горбатую племянницу густымъ сѣроватымъ дымомъ.

Съ одной стороны лѣстница, съ другой—каминь, и мы встрѣчались только въ кафѣ, иногда въ театрѣ, а по воскреснымъ днямъ у Виртца или въ королевскомъ музеѣ.

А въ кафѣ, но уже съ темно-красной выставкой, послѣ разговора о послѣднемъ выступленіи де Брукери, я узналъ, какую страстную любовь къ родинѣ, именно страстную, другого опредѣленія я не нахожу, таилъ въ себѣ эти большіе сѣрые глаза, слегка продолговатые, слегка затуманенные.

Какъ всегда, и объ этомъ было просто сказано: ни одного громкаго слова, ни одного торопливаго жеста. Вы когда нибудь слышали, какъ вспоминаетъ мать умершаго ребенка:

— Вотъ только бы взглянуть и прижаться къ березкѣ...

Милая дѣвушка, ты, о которой я рассказываю, слушай: вотъ сейчасъ стучать буфера, вотъ бѣгутъ и мелькаютъ за окнами тѣ березы, о которыхъ ты мнѣ говорила пять лѣтъ тому назадъ, бѣгутъ и торопятся, голая, безъ листьевъ, мокрая, какъ будто ненужная, некрасивая, но я понимаю тебя.

Потомъ пошли долгіе вечера воспоминаній о Россіи. Мы припоминали каждую мелочь. Я рассказывалъ про Волгу, объ Уралѣ, она—о своей Волыни, потомъ о проселочныхъ дорогахъ вдоль Днѣпра. И жиль Днѣпръ, жили пороги, какъ до этого жили въ ея словахъ болотныя травы, облака и гусей перелетныхъ крикъ.

И все я помнилъ.

„Вотъ только бы взглянуть“...

А разъ она сказала мнѣ:

— Я больна, я знаю. Есть такая болѣзнь, она неизлечима. Вѣдь я же—медичка, правда, не особенно прилежная, но все-таки. И вотъ ночью просыпаюсь и вижу, все вижу и тянусь и хочу домой, домой!

Я смотрѣлъ на нее и думалъ:

„Ты сейчасъ никого и ничего не видишь: ни меня, ни этихъ бельгийцевъ, играющихъ въ шахматы, ни этой толпы на улицѣ, ни памятника этого, которымъ ты такъ часто любовалась“.

Стылъ кофе, но я боялся потревожить ее и очень обрадовался, когда она заговорила о какомъ-то пустякѣ. И радость моя была эгоистична: п я смогъ отбросить наивную, смѣшную мечту.

На обратномъ пути она рассказывала мнѣ о своемъ побѣгѣ, о томъ, какъ она нѣсколько дней пробродила по Москвѣ безъ ночлега, безъ денегъ, безъ друзей. Выла зима. Морозъ разузориалъ окна, подъ ногами хрустѣлъ снѣгъ. Съ каждымъ часомъ снѣгъ и холодъ добивали ее.

А теперь она съ любовью вспоминала и снѣгъ этотъ—„нашъ снѣгъ“, и причудливые морозные узоры—„что можетъ быть красивѣе ихъ?“, и скрипъ саней на Кузнецкомъ мосту, и позолоту куполовъ подъ зимнимъ солнцемъ. И куда-то далеко-далеко отодвигался Брюссель.

„Болезная, болезная“,—я старался не глядѣть на нее: что я могъ дать ей, одновременно нищей и богатой?

На слѣдующее утро мнѣ пришлось уѣхать на нѣсколько дней въ Парижъ. Меня задержали тамъ, я пробылъ гораздо дольше, чѣмъ предполагалъ, а когда вернулся, ея уже не было въ Брюсселѣ. Хозяйка ея ничего не смогла мнѣ сказать. Вскорѣ я уѣхалъ на югъ.

Какъ-то въ одну зиму, проснувшись, я увидалъ, что пляжъ покрытъ снѣгомъ. Подъ снѣгомъ желтѣли апельсинныя, на кустахъ красныхъ камелии протянулись бѣлыя нити. Голубоватое море спокойно, точно для него снѣгъ былъ старымъ знакомымъ, дремало у пляжа.

Итальянцы охали, волновались. Старикъ Мафальдо до хрипоты увѣрялъ:

— Тридцать пять лѣтъ не было снѣга. Это что нибудь да значитъ.

Маленькая русская дѣвочка, но никогда не жившая въ

Футбольный матч на передовых позициях.

Россия, въ бѣшеномъ восторгѣ бѣгала по пляжу и кричала мнѣ:

— Снѣгъ! Снѣгъ!—И спрашивала:—правда, это—русскій снѣгъ? Скажи, это—русскій снѣгъ?

Такъ ясно, такъ отчетливо и такъ грустно я вспомпналъ мою бруссельскую знакомую.

4.

Второй мѣсяцъ войны подходилъ къ концу. Ночью въ Ускиюбѣ на вокзалѣ я прочелъ о взятіи Антверпена.

Въ полутемныхъ вагонахъ дремали раненые сербы. Въ заднихъ вагонахъ на площадкахъ, въ проходахъ, на ступеняхъ—всюду, гдѣ только можетъ примоститься человѣкъ—лежали, сидѣли, стояли люди.

Въ послѣднемъ неосвѣщенномъ вагонѣ высокой македонепецъ тянулъ заунывную пѣсню. Не цонимая словъ, я все же понялъ пѣсню, какъ на кладбищѣ чутьемъ прочитываешь полустертые надписи.

При мнѣ былъ сыръ, папирсы. Я подѣлился съ македонцемъ. Онъ что-то шепнулъ сосѣду. Я разобралъ:

— Русские богаты.

Увы, при всемъ желаніи я не могъ разубѣдить его.

Я вошелъ въ купе. Молоденькій сербскій офицеръ указывалъ сосѣдямъ въ окно:

— Это—Куманово.

Развертывалось поле—смутно и блѣдно.

Офицеръ разсказывалъ о четырехдневномъ боѣ, когда столько же солдатъ падало отъ ранъ, сколько и отъ голода.

Сбоку глядѣлъ на него: мальчикъ, почти мальчикъ, даже усы еле пробиваются—и уже вторая война на плечахъ, а разсказываетъ легко, точно дѣлится впечатлѣніями о какой-то школьной дракѣ.

Когда онъ заснулъ, уронивъ фуражку, уткнувшись въ плечо сосѣда, я замѣтилъ на его лицѣ слѣды войны: молодая губы были сжаты сухо, плотно и жестко.

Утромъ, при свѣтѣ дня, я увидѣлъ, какіе у него грустные глаза.

Потомъ, въ дальнѣйшемъ пути, я убѣдился, что его глаза были глазами всего народа: грустные и покорно-увѣренные.

Только такими могутъ быть глаза тѣхъ, на долю которыхъ выпала двойная тяжесть.

5.

Насъ было нѣсколько человѣкъ, и этотъ молоденькій офицеръ водилъ насъ по городу N.

Онъ былъ весьма огорченъ, не замѣтивъ со стороны нашихъ спутниковъ особеннаго восхищенія. Но я утѣшилъ его: — Послѣ войны N сразу измѣнится.

Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ поддержалъ меня. Помню, какъ усиленно онъ подчеркивалъ красоту парка, а паркъ... нѣсколько десятковъ тощихъ деревцовъ.

Возлѣ гостиницы я на нѣкоторое время разстался со своими спутниками. Разыскивая одного знакомаго, я очутился возлѣ лазарета. За оградой гуляли раненые. Одинъ, уже немолодой, сербъ сидѣлъ на каменномъ выступѣ. Возлѣ него лежали костыли.

Изъ воротъ лазарета вышла женщина. Задержавшись на мигъ возлѣ солдата съ костылями, она торопливо пошла по тротуару. Еще издали я угадалъ, что это—сестра милосердія. Я хотѣлъ посторониться, но не успѣлъ. Произошла смѣшная заминка. Я извинился, а когда взглянулъ на нее, вскрикнулъ: я узналъ мою бруссельскую знакомую.

6.

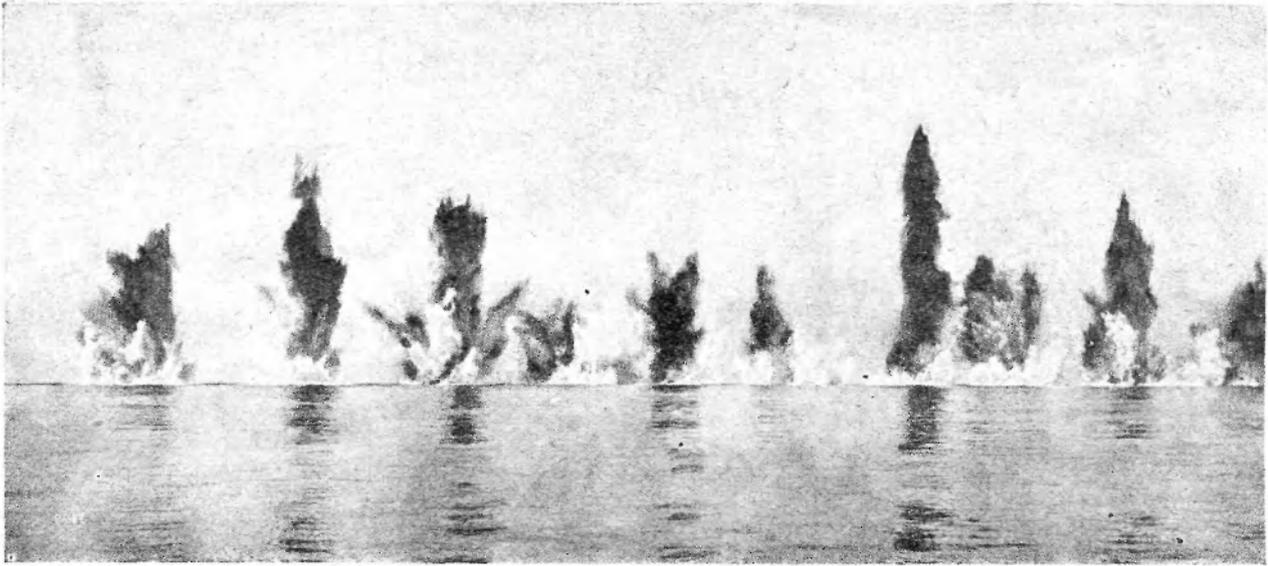
Сѣрая солдатская куртка, мужская обувь!

— И это—вы, дѣйствительно вы?

— Ну да,—потянула меня за рукавъ во дворъ.—Идемте.

На томъ же каменномъ выступѣ, гдѣ сидѣлъ раненый сербъ, сидѣла она. Я стоялъ предъ нею, глядѣлъ на нее и молчалъ.

— Вы на сапоги смотрите? Это ничего, просто очень грязно. Въ X грязь по-колѣно, я только недавно оттуда;

Англичане взрывают немецкія мины.

иначе неудобно. Вы рады встрѣчѣ? Я даже и не спрашиваю, какъ вы попали сюда. А Брюссель помните? Вотъ... п Брюссель взягъ, и Бельгія нѣтъ, а мы тутъ встрѣтились. Чудно, правда? А музей Виртца помните? Слушайте, что же вы молчите? Вы вспоминали Брюссель? А меня? Вотъ... Брюссель умираетъ, Бельгія нѣтъ... А мою лѣстницу помните?

Какъ тогда, я пожалъ ея маленькую руку, и долго-долго я ничего не могъ сказать.

7.

Подъ вечеръ уходилъ къ болгарской границѣ поѣздъ съ русскими. Биткомъ набитый гудѣлъ, словно отдаленный пожаръ. На черномъ смѣшались въ одно офицерскіе мундиры, дамскія шляпы, котелки, кавотье и солдатскія шинели. У буфета, точно предъ театральной кассой, стояла очередь. У дверей торчалъ штыкъ, но хозяинъ его миролюбиво разговаривалъ съ двумя русскими барышнями.

И въ какомъ-то углу за буфетомъ, гдѣ безъ умолка звенѣли тарелки въ торопливыхъ рукахъ ошалѣлаго лакея, я тихо-тихо говорилъ съ нею, и такъ же, какъ я, звала и она, что минуты блугуть и что нельзя остановить ихъ.

— Другъ мой, другъ мой, а если я смогу просочить? Вѣдь столько русскихъ ѣдутъ; можетъ быть, на границѣ сквозь пальцы посмотреть?

— А бумаги?

Еще тише говорила:

— Только заграничный дипломъ.

— Вы, какъ ребенокъ, рассуждаете... Задержать.

— Точно ребенокъ? А если мнѣ холодно? Ребенокъ?

Пусть. Развѣ всегда надо рассуждать по-взрослому? Я не могу, понимаете, не могу. Дней десять тому назадъ я тоже была здѣсь, тоже провозила раненыхъ. Тогда уходилъ первый поѣздъ съ русскими. И вотъ съ того дня мѣста не нахожу себѣ. Вижу, какъ они садятся въ вагоны, ѣдутъ домой, а мнѣ нельзя. Занимаютъ мѣста, радуются, знаютъ, что скоро будутъ тамъ, понимаете, тамъ, а мнѣ нельзя. Зачѣмъ я только приѣхала сюда? Не приѣзжала бы, не видѣла бы — было бы легче. Да нѣтъ, неправду я говорю, я нарочно поступила въ сербскій Красный Крестъ. Война меня застала въ Швейцаріи. Я могла поѣхать во

Францію, наконецъ—въ Англию, а я нарочно сюда. Вотъ Сербія—какъ бы кусочекъ Россіи, какъ будто среди своихъ. Я добивалась и приѣхала. А тутъ стали приѣзжать русскіе. (длинъ поѣздъ, другой, а мнѣ нельзя. Но вѣдь я и тамъ буду работать. Въ болотѣ, такъ въ болотѣ, подъ дождемъ, такъ подъ дождемъ; но только дома, со своими. Да, вотъ говорю себѣ, что всякій раненый прежде всего—раненый; но, нѣтъ, я хочу у себя работать, видѣть русскія лица. Какъ я хочу туда! Послушайте, вѣдь работать со всей Россіей заодно, вѣдь только работать, только все свое отдать, все, что могу: силы свои, любовь свою, руки свои, послушайте, со всей Россіей заодно! Что же вы не отвѣчаете? Не пройдетъ?

Я молчалъ: что я могъ отвѣтить ей, одновременно нищей и богатой?

И помню ея послѣднія слова:

— А если мнѣ холодно, а если мнѣ холодно-холодно?

8.

Снѣгъ на улицахъ.

И купола золотятся, тѣ купола, что навѣки остались въ памяти маленькой женщины, вспоминающей о нихъ съ любовью и на улицахъ Брюсселя, и въ городкахъ Швейцаріи.

И небо родной земли, и голоса родной земли.

Снѣгъ на улицахъ. Люди читаютъ, люди знаютъ: „Холодно въ окопахъ“.

И я, какъ тысячи другихъ, слышу это и вижу это

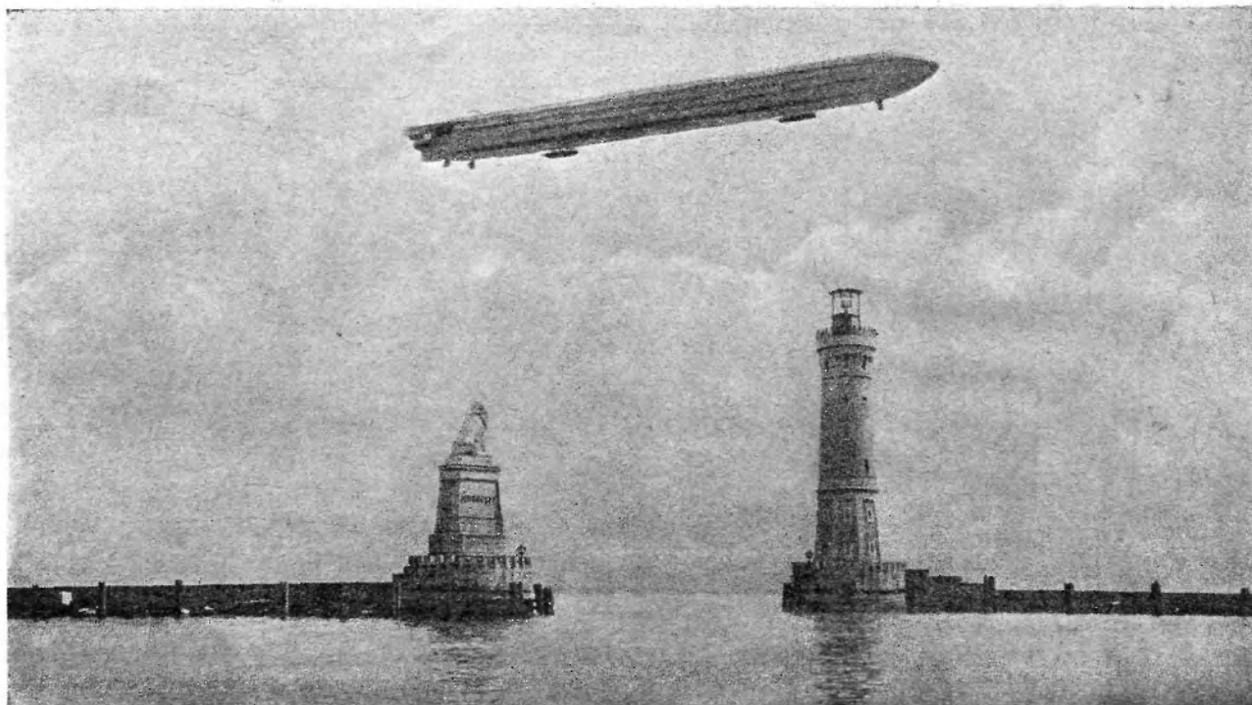
И далекое становится близкимъ, непережитое лично становится своимъ, неотступнымъ. Но рядомъ другая мысль, я помню: „А если мнѣ холодно?“

И я вижу и не могу не видѣть, и помню и не могу забыть тѣхъ, кому холодно на чужбинѣ, какъ солдатамъ въ окопахъ; холодно оторваннымъ отъ родины, холодно имъ, стремящимся къ своимъ полямъ, къ своей землѣ, отвергнутымъ въ тяжелую, но и не принятымъ въ великую минуту своей матерью.

И вижу, и помню, и не могу забыть, не могу не видѣть: имъ холодно.

Родина, ты слышишь?

Андрей Соболевъ.

Центелингъ.

М. НОВОРУССКІЙ, ОЧЕВИДНАЯ НЕЦѢЛЕСООБРАЗНОСТЬ.

I.

Въ мирное время было потрачено много труда и остроумія на доказательство цѣлесообразности въ природѣ, въ жизни, въ технику...

Вся эволюція органической жизни представлялась какъ процессъ, во время котораго устраняются негодные и переживаютъ приспособившіеся, т. е. цѣлесообразно организованные.

Техника, какъ продуктъ человѣческой изобрѣтательности, является самой знакомой областью, въ которой торжество цѣлесообразности проявляется и удовлетворяется на каждомъ шагу. Вся она служитъ ускоренію, улучшенію, облегченію, удешевленію, вообще усовершенствованію жизни и ея условий. И превосходно достигаетъ этихъ цѣлей.

Но, когда всѣ успѣхи современной техники стали приспособлять къ военному дѣлу, получились результаты совсѣмъ не тѣ, какихъ обычно ожидаютъ отъ техники. И эта безпримѣрная война, которая развертываетъ воочию предъ нами всѣ тонкости своей техники, неминуемо должна доказать цивилизованному міру, что работать дальше надъ прогрессомъ военной техники не имѣетъ смысла. И германцы, которые больше всѣхъ другихъ народовъ трудились надъ этимъ „прогрессомъ“, испытали первые самое глубокое разочарованіе.

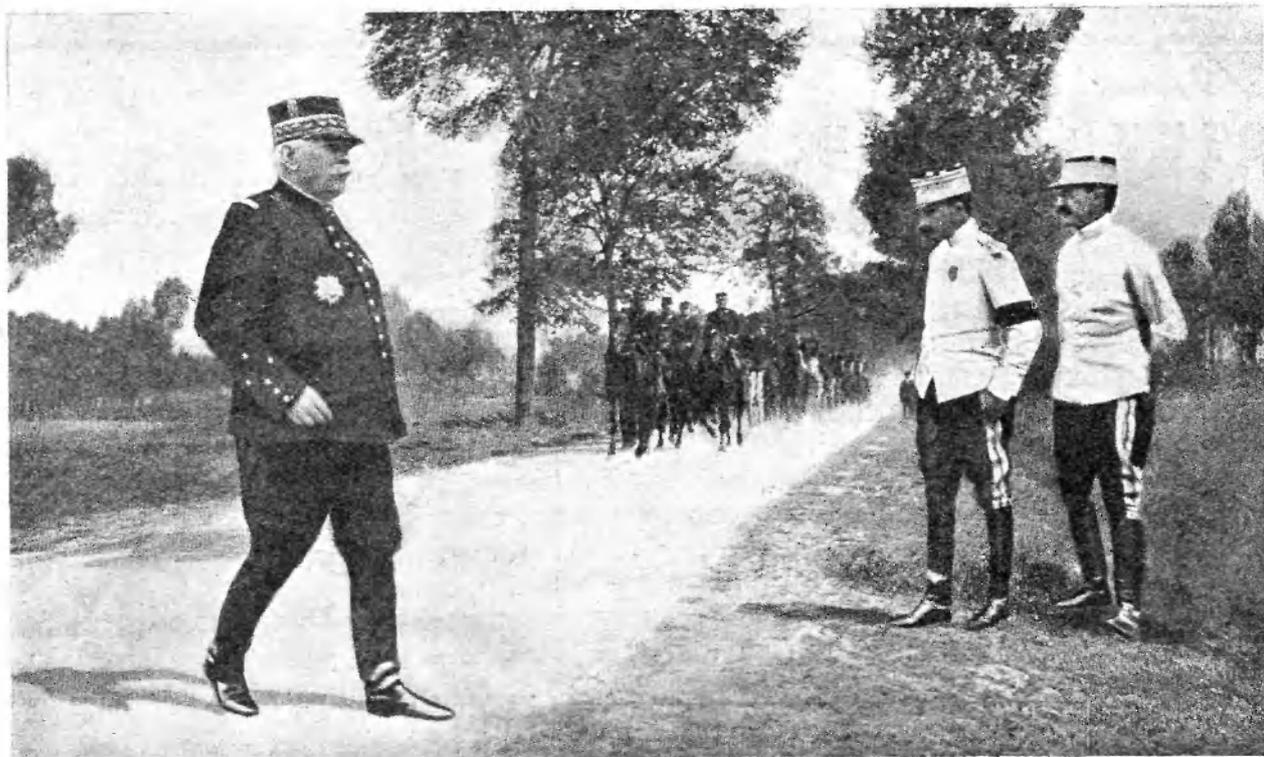
„Въ самомъ дѣлѣ, всѣ механизмы ведутъ къ ускоренію дѣйствія. Большинство ихъ ведетъ и къ усиленію дѣйствія, къ возможности замѣнить одной машиной сотню живыхъ ра-

бочихъ рукъ. Эти свойства механизмовъ естественно казались чрезвычайно соблазнительными для поклонниковъ военного дѣла, тѣмъ болѣе что всякую механическую силу оказалось возможнымъ примѣнять во всѣхъ стихіяхъ: на землѣ, на водѣ, даже въ водѣ (или подъ водой) и въ воздухѣ.

Казалось, что если техника войны используетъ всѣ эти усовершенствованія въ общей технику, то война дѣйствительно можетъ быть сдѣлана „молниеносной“. Въ кратчайшій періодъ времени можно проявить максимумъ сокрушительной силы и такимъ образомъ достигнуть максимума „полезнаго дѣйствія“. И даже при наименьшемъ употребленіи живой рабочей (т. е. военной) силы, которая замѣнялась скоростью передвиженія, быстротой стрѣльбы (пулеметы) и силой разрушительнаго дѣйствія снарядовъ.

И эта ошибка, въ которую впалъ Вильгельмъ II, была не его только ошибка: въ нее впали, вмѣстѣ съ нимъ, и всѣ тѣ, кто готовилъ войну, всѣ техники ея и всѣ изобрѣтатели безконечнаго ряда „усовершенствованій“, введенныхъ въ военное дѣло.

Въ результатѣ, какъ извѣстно, получилась война не молниеносная, а ватажная, такая, которой конца не видно. И, въ то время какъ прежде, безъ всякихъ ухищреній техники, исторія видала молниеносные разгромы армій, нынѣ вся поразительность этихъ дѣйствительно поразительныхъ и остроумныхъ ухищреній совершенно не могла принести молниеносности.

Генералиссимусъ Жоффръ.

Напримѣръ въ памятномъ для насъ Бородинскомъ сраженіи за одинъ день выбыла изъ строя ровно треть всѣхъ сражавшихся войскъ. Если бы что нибудь подобное случилось нынѣ, война могла бы окончиться въ одну недѣлю послѣ того, какъ начались битвы.

Такъ и ожидали всѣ въ Германіи, когда готовили войну. Но почему же этого не случилось?

Ближайшимъ образомъ потому, что готовившіе войну фиксировали все свое вниманіе на сокрушительной силѣ военной техники и мало думали о защитномъ дѣйствіи той же техники. А въ военномъ дѣлѣ нѣтъ такого усовершенствованія въ нападеніи, противъ котораго не было бы введено соответствующее усовершенствованіе и въ защитѣ.

Здѣсь уже давно идетъ непрерывная борьба между изобрѣтателями, усиливающими оружіе нападенія, и изобрѣтателями, усиливающими оружіе защиты. И, когда слѣдишь за сериями этихъ изобрѣтеній, получается впечатлѣніе, что борьба эта должна оканчиваться въ ничью. Одни изобрѣтенія ослабляютъ или парализуютъ другія, благодаря чему вся эта напряженная работа военныхъ техниковъ становится никчемной. Въ одномъ отношеніи перевѣсъ на сторонѣ нападенія, а въ другомъ—на сторонѣ защиты. А такъ какъ и нападеніе, и защиту примѣняетъ живой человѣкъ, то тутъ появляется новый факторъ, силу котораго техника не можетъ вычислить.

Это—не просто рабочая сила, которую можно опредѣлить пудифугами и о которой не трудно сдѣлать выводъ, чего отъ нея можно ждать, а чего нельзя. Живой человѣкъ въ войнѣ, какъ нападающій, такъ и защищающій отечество, есть совершенно особый факторъ. Его значеніе почти не поддается никакому учету. И наступленіе, и защита одинаково

требуютъ самопожертвованія, героизма и вообще большого психическаго подъема. Но ни одинъ изобрѣтатель не можетъ вызвать его къ жизни, если нѣтъ для этого общіихъ социальныхъ условій, которыя не находятся во власти человѣка. И точно такъ же ни одинъ изобрѣтатель не можетъ погасить этотъ подъемъ или подойти къ нему съ какими нибудь изолированными ножницами, которыя легко могутъ перерѣзать любую проволоку, проводящую токъ высокаго напряжения.

А между тѣмъ въ рукахъ этого неизвѣстнаго фактора находятся всѣ разнообразныя орудія весьма сложной военной техники. И всецѣло отъ него зависитъ использовать ихъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Значеніе живой силы противника для врага остается совершенно неизвѣстнымъ. Но ему мало извѣстна и своя собственная живая сила, потому что на войнѣ онъ ее давно не испытывалъ, а можетъ быть, она ни раза и не бывала на войнѣ.

Такимъ образомъ, вопреки тому, что дѣлается въ промышленной области, въ военномъ дѣлѣ всѣ техническія усовершенствованія могутъ оказаться въ рукахъ людей, нежелающихъ дать имъ надлежащее употребленіе, и тѣмъ самымъ аннулировать всякое ихъ значеніе. Въ такомъ случаѣ армія, превосходно снаряженная всѣмъ, что можетъ дать военная техника, окажется хуже арміи, которая въ техническомъ отношеніи слабѣе ея.

Получится парадоксъ, совершенно недопустимый для тѣхъ, кто работаетъ для прогресса техники.

Но это еще—не самое главное. А главное—до слѣдующаго раза.

М. Новорусскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Фландрія.

Какъ хорошо порою вспоминать
 О Фландріи непрехотливомъ людѣ—
 Обѣдаютъ отецъ и сынъ, а мать
 Картофель подастъ на плоскомъ блюдѣ.
 Зеленая вода блеститъ въ окнѣ,
 Желтѣетъ берегъ съ неводомъ и лодкой...
 Хоть солнца нѣтъ, но чувствуется мнѣ
 Тамъ явственно его румянецъ кроткій.
 Неяркій лучъ надъ жизнью трудовой,
 Спокойной и заманчиво нехрупкой,
 Въ странѣ, гдѣ въ воздухъ, пахнувшей смолой,
 И рыбаки не разстаются съ трубкой.

2.

Скромный пейзажъ.

Бросаетъ дѣвочка котенку
 Полуразмотанный клубокъ,
 На золотистую плетенку
 Усылся сизый голубокъ.
 Гдѣ начинается деревня,
 Среди столѣтнихъ тополей
 Старо-французская харчевня
 Сіяетъ вывѣской своей
 Большая туча тихо таетъ,
 Стоитъ охотникъ у ручья,
 И вороненокъ улетаетъ
 Отъ неспорнаго ружья.
 А сзади слышенъ посвистъ тонкій
 Бича и дальній топотъ стада,
 И отъ лучей зари въ плетенкѣ
 Чуть розовѣетъ виноградъ.

3.

Клодъ Лорренъ.

Какъ я люблю фламандскія панно,
 Гдѣ овощи и рыбы, и вино,
 И дичь богатая на блюдѣ плоскомъ
 Янтарно-желтымъ отливаетъ лоскомъ!
 И писанный старинной кистью бой
 Люблю. Солдатъ съ блистающей трубкой,
 Клубы пороховые, мертвыхъ груды
 И вздыбленные кони отовсюду...
 Но тѣхъ красотъ желаннѣй и милѣй
 Мнѣ купы прибережныхъ тополей,
 Снастей узоръ и розовая пѣна
 Мечтательныхъ закатовъ Клодъ Лоррена.

4.

Канатный плясунъ Ванто.

Про меня «мошенникъ» вкратцѣ
 Говорятъ.
 И пестрѣй, чѣмъ на паяцѣ,
 Мой нарядъ.
 Я—плясунъ, плясунъ канатный,
 Би-ба-бо.
 Я кричу, мой вѣрный, ватный
 Пестъ, тубо!
 Прибтели мы изъ Китая
 Съ нимъ вдвоемъ.
 По трапеціямъ летая,
 Все поемъ.
 Въ нашихъ пѣсняхъ много чуши,
 Правда—ложь.
 Затыкай, коль хочешь, уши—
 Ну, такъ что-жъ!
 Я судьбы, плясунъ канатный,
 Не клянусь—
 Служить вѣрно песикъ ватный
 Плясуну...

5.

Кисетъ.

На старомъ дѣдовскомъ кисетѣ
 Слезинки бисера блестятъ.
 Четыре купидона въ сѣти
 Поймать курильщика хотятъ.
 Но поджимаетъ ноги турокъ
 Съ преравнодушнѣйшимъ лицомъ,
 Ему не до любовныхъ жмурокъ,
 Кольцо пускаетъ за кольцомъ.
 Переверни кисетъ. Печаленъ
 И живописенъ вмѣстѣ видъ.
 Надъ ветхой кровлею развалинъ
 Луна туманная глядитъ.
 А у застежки въ львиныхъ лапахъ
 Коранъ, крутя облака.
 И слышенъ выдохшійся запахъ
 И пачули, и табака.

6.

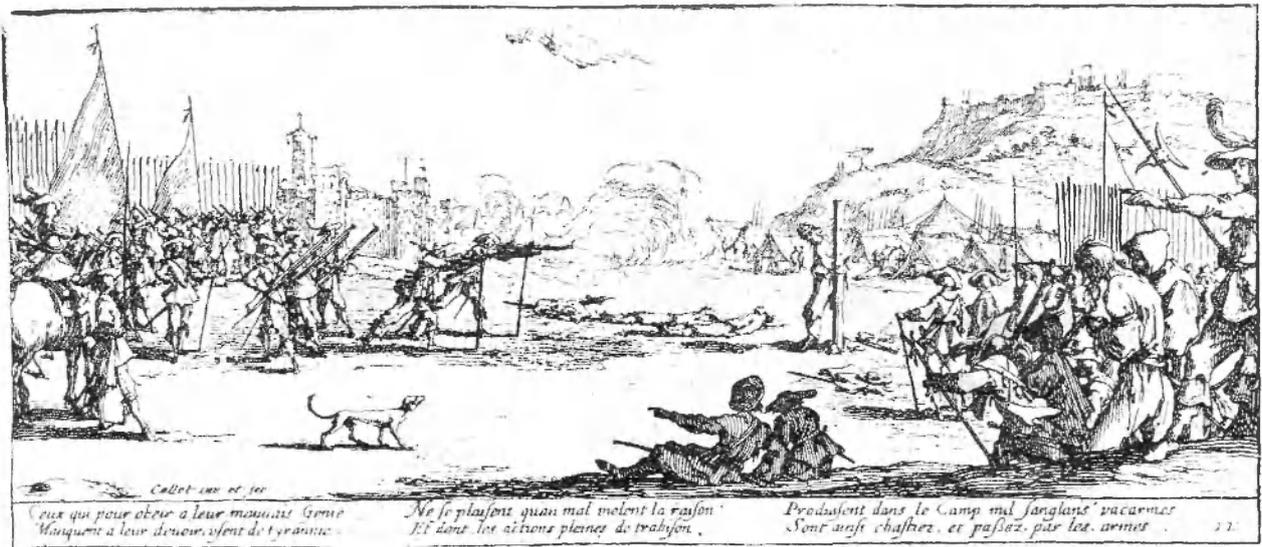
Садъ.

Питерскій голубокъ и мальчикъ со свирѣлью,
 На мраморной плитѣ—латинскіе стихи.
 Какъ нѣжно тронуты прозрачною акварелью
 Деревъ раскидистыхъ кудрявые верхи.
 Заря шафранная, въ бассейнѣ догорая,
 Дельфину золотитъ густую чешую
 И, въ блѣдныхъ небесахъ искусственнаго рая,
 Фонтана легкую, чуть слышную струю.

Георгій Ивановъ.

Изъ альбома художника П. Митурича.

Жакъ Калло. (1592—1635.) «Бѣдствія войны».

Д. МИТРОХИНЪ.

„БѢДСТВІЯ ВОЙНЫ“ ЖАКА КАЛЛО.

Гравёръ Калло — одна изъ наиболѣе своеобразныхъ фигуръ въ исторіи искусства — являетъ собою великолѣпный примѣръ галльскаго генія. Остроуміе, изящная фантазія и живость въ композиціи, и совершенная ясность и точность выполнения — качества, которыми отмѣчены всѣ его работы.

Биографія Калло богата разнообразными внѣшними эпизодами, но связываетъ ихъ единый стержень — постоянный, упорный трудъ, непрерывное дѣятельное изученіе своего „святого ремесла“. Кромѣ необычайнаго по количеству собранія гравюръ, Калло оставилъ множество рисунковъ сангиною, перомъ и жидкой тушью, въ которыхъ онъ изучалъ причудливые персонажи, изображалъ драпировки, изгибы нагото тѣла или ковировалъ гротески Леонардо да Винчи, всегда притягивавшіе его къ себѣ заглавною въ нихъ жизнью, гравюры Луки Лейденскаго и „Пляску Смерти“ Гольбейна.

Родился Калло въ Нанси въ 1592 г.; отецъ его былъ герольдомъ лотарингскаго двора. Дарованіе рисовальщика проявилось въ маленькомъ Жакѣ очень рано и такъ настойчиво, что онъ въ 12 лѣтъ бѣжитъ изъ родительскаго дома, съ узелкомъ на концѣ палки, въ Италію. Встрѣченный въ пути таборъ цыганъ беретъ его съ собою, и, послѣ двухъ мѣсяцевъ приключеній и бѣдствій, Калло попадаетъ во Флоренцію. Это путешествіе навсегда запало въ память, дало богатый матеріалъ для художника, наблюдавшаго сомнительные нравы и обычая банды и только молившаго, по его словамъ, Бога, „чтобы Онъ даровалъ ему милость не впасть въ излишества, отвратительное зрѣлище которыхъ было у него предъ глазами“.

Во Флоренціи Калло работалъ недолго подъ руководствомъ живописца и гравера Ремиджіо Канта Галлина. Скоро онъ насильственно былъ возвращенъ домой. Снова бѣжалъ — и снова пойманъ. И только въ третій разъ съ разрѣшенія

отца уѣхалъ въ Римъ въ 1608 г., гдѣ работалъ въ мастерской Темпесты и заглѣмъ Томассена.

Усвоивъ принципы итальянскаго офорта, Калло внесъ въ это искусство видовзмѣненія, сообщившія его работамъ характеръ необычайной ясности, точности въ мелочахъ и особой прелестью отиска.

Эти качества высоко цѣнились современниками художника, окружившими его почетомъ и славою.

Смерть Калло (въ 1635 г.) отняла у Лотарингіи не только великаго художника ея страданія и бѣды, но и до блещнѣйшаго изъ гражданъ.

Изъ многихъ отзывовъ современниковъ о Калло приводимъ откровенно-восторженный страстнаго коллекціонера XVII в. и писателя по вопросамъ искусства, аббата Мишеля де Маролли, и самъ его знаменитаго каталога художниковъ, написаннаго стихами: „Le livre des peintres et graveurs“:

„Mais de Callot qui peut surpasser l'industrie?
Callot, presque divin“...

И позднѣе, ближе къ намъ, мы знаемъ напряженное вниманіе къ гравюрамъ Калло и восторги Амед. Гофмана, восклицавшаго: „О, величайшій мастеръ, почему не могу я насытиться твоими необычайными и причудливыми созданіями? Почему всѣ твои человѣческія фигурки, обозначенныя лишь однимъ смѣлымъ очертаніемъ, такъ врѣзаны въ память, обычныя и вмѣстѣ сверхъестественныя?“.

Изъ всего созданнаго великимъ граверомъ, изъ всѣхъ его массовыхъ композицій, военныхъ или мирныхъ сценъ и одиночныхъ изображеній бродягъ, нищихъ, плясунковъ, шутовъ, персонажей итальянской комедіи, насъ сейчасъ интересуетъ больше всего серія его гравюръ, извѣстная подъ названіемъ „Бѣдствія и несчастія войны“; въ ней заключены всѣ высо-

Жакъ Калло. (1592—1635.) «Видствія войны».

ия качества художника, соединяющаго изобразительный гени
глубоко человѣчнымъ, сострадающимъ сердцемъ.

Въ августѣ 1633 года армія Людовика XIII начала осаду
Нанси, окруживъ городъ тугимъ кольцомъ.

Мѣсяцъ спустя, между Ришелье и герцогомъ Карломъ IV
стоялся договоръ, по которому королю Франціи предостав-
лясь четырехлѣтняя оккупация столицы Лотаринги—и Лю-
довикъ XIII торжественно вступилъ въ Нанси.

Видъ бѣдствій, обрушившихся на родную страну, разо-
ренныхъ войною селеній, множества искалѣченныхъ, ползу-
щихъ по улицамъ, протягивающихъ руку за подавнѣемъ—всѣ
ужасы вражескаго нашествія такъ потрясли Калло, что онъ
рѣшилъ покинуть любимый городъ и переселиться во Флоренцію.

Но тяжелая болѣзнь, сведшая его въ могилу два года
спустя, не позволила предпринять далекій путь, и онъ а-
шелъ способъ отдѣлаться отъ осаждавшихъ его мозгъ мучи-

тельныхъ и назоливыхъ образовъ, способъ вѣрный и зна-
комый каждому сильному творческому духу: онъ ушелъ
совершенно въ упорный и привычный трудъ, онъ увивался
работою, забывая и душевныя тревоги, и физическія стра-
данія.

Плодомъ его раздумій и напряженной дѣятельности яви-
лась прекрасная, совершенная въ своей графической прелести
серія гравюръ „Misères de la guerre“.

Что представляла собою трагическая и разгромленная
родина Калло, можно судить по слѣдующему мѣсту мемуа-
ровъ очевидца, Nicolas Goulas, камергера герцога Орлеан-
скаго:

„Я опишу вамъ паденіе герцога Карла и разореніе пре-
краснѣйшей страны и счастливѣйшаго народа въ мѣрѣ.
Вообразите обширныя селенія, полныя обитателей, прекрас-
ныя рѣчки, берега которыхъ покрыты стадами разнообразнаго

Жакъ Калло. (1592—1635.) «Видствія войны».

Какъ Калло. (1592—1635.) «Видствя войны».

скота; холмы, засаженные частью виноградниками, частью лѣсомъ; равнины, настолько плодородныя, что едва можно собрать все количество зерна, которое они производятъ: крестьянъ, у которыхъ въ окнахъ стекла, а въ сундукахъ у каждаго по большому серебряному кубку,—и вы получите лишь слабое представленье объ этой счастливой провинци до войны. И не видѣлъ никогда болѣе поразительной картины изобилія и земного счастья. Но несчастье или неловкое поведеніе герцога Карла, а, можетъ быть, и то, и другое вмѣстѣ, обратили все это великолѣпнѣ искусства и природы въ ужасающую пустыню, и почти никого не осталось изъ свидѣтелей счастья герцога и его подданныхъ“.

Калло въ „Видствяхъ войны“ изображаетъ сцены разграбленія и пытокъ крестьянъ солдатами, не щадящими и монастырей, оскверняющими алтари, поступающими, какъ презрѣнные воры и разбойники.

Художникъ съ особымъ, какъ бы мстительнымъ, рвеніемъ отмѣчаетъ жестоку судьбу, постигающую мародеровъ, застигнутыхъ правосудіемъ; ихъ вѣшаютъ на одномъ деревѣ десятками, и они качаются, прямые и черные, какъ высохшіе стручки фантастическихъ акацій: разстрѣливаютъ изъ мушкетовъ, сжигаютъ предъ выстроенными тутъ же товарищами, колесуютъ.

И каждая гравюра снабжена, по обычаю эпохи и по волѣ издателя и друга Калло, Нараэля, негодующею и рѣзкою подписью въ шесть рифмованныхъ строкъ, облачаю-

щихъ пороки, жестокость и отсутствие воинской чести у солдатъ, какъ только они попадаютъ „въ лѣсъ или пустыню мѣсто, подальше отъ ученья и воинскихъ трудовъ“.

Но въ концѣ концовъ всѣмъ жизнь нелегка, и звучитъ нѣсколько примиряюще: „Посмотрите, сколько случайностей преслѣдуетъ дѣтей Марса: одни, искалѣченные, влчаться землѣ, болѣе счастливые убиты на войнѣ; одни злосчастно гибнутъ на висѣлицѣ, другіе отправляются въ лазареты. Авторомъ этихъ поучительныхъ подписей является упоминаемый уже выше поклонникъ гравера, аббатъ де Маролль.“

Вліяніе Калло на художниковъ необычайно велико; французскіи офорты въ большей и лучшей своей части происходятъ отъ него.

Испытали это вліяніе и нѣкоторые итальянскіе художники: между ними наиболѣе привлекательное и поэтичное дарованіе обнаруживаетъ въ своихъ офортахъ Стефано делья Велла (1610—1664), получившій во Франціи извѣстность под именемъ Эженъ ла Велль.

Большинство его небольшихъ по размѣрамъ гравюръ таятъ отраженный свѣтъ гения Калло, въ некоторыхъ онъ подражаетъ манерѣ Рембрандта.

Кромѣ его военныхъ сюжетовъ, въ настоящемъ номерѣ воспроизводится изъ его большой серіи гравюръ „Польскіе посольство въ Римѣ“ нѣсколько медальоновъ, изображающихъ польскихъ солдатъ-кавалеристовъ.

Д. Митрохинъ.

Какъ Калло. (1592—1635.) «Видствия войны».

ВЛ. ГИПШУСЪ.

ПАМЯТИ Г. М. ГРИГОРЬЕВА,

Въ газетахъ были напечатаны объявления, что скончался Григорій Михайловичъ Григорьевъ. Отъ семьи и отъ гимнази, гдѣ онъ преподавалъ. Въ день его похорожь появилась оварическая замѣтка о немъ, можетъ быть, появилась и еще. Кто замѣтилъ его имя въ объявленияхъ, въ замѣткахъ? Въ быть не изъ числа людей „знаменитыхъ“, имена которыхъ мелькаютъ въ объявленияхъ и на афишахъ, на улицахъ, въ магазинахъ, въ трамваяхъ...

Такова одна изъ возмутительностей нашей возмутительной жизни: аристократія правъ смѣнилась аристократіей какой-то уличной рекламы...

Григорій Михайловичъ Григорьевъ, скончавшійся внезапно отъ разрыва сердца—одинъ изъ самыхъ малозвѣстныхъ и самыхъ замѣчательныхъ людей, какихъ я только знаю,—былъ просто преподавателемъ физики. Все и случилось просто: у него давно уже „отчего-то“ болѣло сердце; о знаменитые доктора сказали, что работать можно. Онъ вышелъ утромъ на уроки, почувствовалъ, что задыхается, вернулся домой и—послѣ недолгихъ, но страшныхъ мучений—умеръ. Отъ разрыва сердца...

Да! Но тотъ, кто видѣлъ, какъ онъ давалъ уроки, знаетъ, съ какимъ душевнымъ, а не однимъ лишь умственнымъ, напряженіемъ давалъ онъ каждый изъ нихъ, тотъ долженъ былъ понять, что никакое человеческое сердце не выдержитъ того.

Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и талантливейшихъ людей, но онъ ни за чѣмъ не гнался, кромѣ вліянія на ученицъ и на учениковъ. Давая уроки, онъ излагалъ свое мировоззрѣніе, какъ свою вѣру, и притомъ никогда не считая своихъ уроковъ не чѣмъ инымъ, какъ добросовѣтными уроками. А между тѣмъ это были уроки не только фаздовые, но и вдохновенные. Онъ не готовился къ нимъ,

они были все въ немъ, въ его превосходной памяти: онъ шелъ въ классъ, зная только, о чемъ онъ будетъ говорить дальше, не зная, во что выльется. Это было настоящее творчество и, какъ всякое творчество, конечно не ровное. И могло ли быть оно ровнымъ—при 5—6 урокахъ въ день? Но онъ страдалъ послѣ каждого „неудачнаго“ урока, т. е. такого, который, кромѣ него, никто не называлъ бы неудачнымъ. Послѣ удачнаго онъ выходилъ изъ класса съ разгорѣвшимися глазами и радовался, какъ ребенокъ. И съ такимъ напряженіемъ онъ проработалъ почти 20 лѣтъ, изо дня въ день.

И развѣ—одни уроки? Онъ волновался всею, что совершалось кругомъ, какъ личнымъ дѣломъ. Въ революцію былъ съ революціей, въ войну—съ войной, жилъ каждымъ съездомъ, каждымъ процессомъ, каждой новой газетой. И обо всемъ онъ думалъ по-своему, часто неожиданно и остроумно, всегда какъ-то весело и немного авархически, немножко лукаво и въ то же время заразительно-откровенно, словно бы и здѣсь каждый разъ „творя“ собственное мнѣніе, такъ же какъ давалъ уроки.

Послѣ уроковъ, въ перемѣны, ученицы вѣчно окружали его и съ дѣтской простотой, не думая о его устававшемъ сердцѣ, говорили съ нимъ обо всемъ, что ихъ занимало и волновало,—не только объ урокахъ, о физикѣ, но обо всемъ на свѣтѣ. Ни къ кому изъ учителей такъ просто не подходило какъ къ нему. Онъ любилъ ученицъ такъ, какъ это умѣютъ, кажется, только русские люди. Онъ не чувствовалъ себя съ ними старшимъ. Все огромное уваженіе, какое у нихъ было къ нему, шло изнутри, безъ всякаго принужденія. Онъ никогда не приспособлялся къ нимъ, потому что просто любилъ ихъ, и оттого онъ сами къ нему приспособлялись невольно, потому что любили его. Его невозможно было не

Жакъ Калло. (1592—1635.) «Видствія войны».

любить. Я вчиняла всегда недоброжелательно относиться къ тѣмъ, кто способенъ былъ въ чемъ нибудь не повѣрить ему, почему нибудь настроиться враждебно.

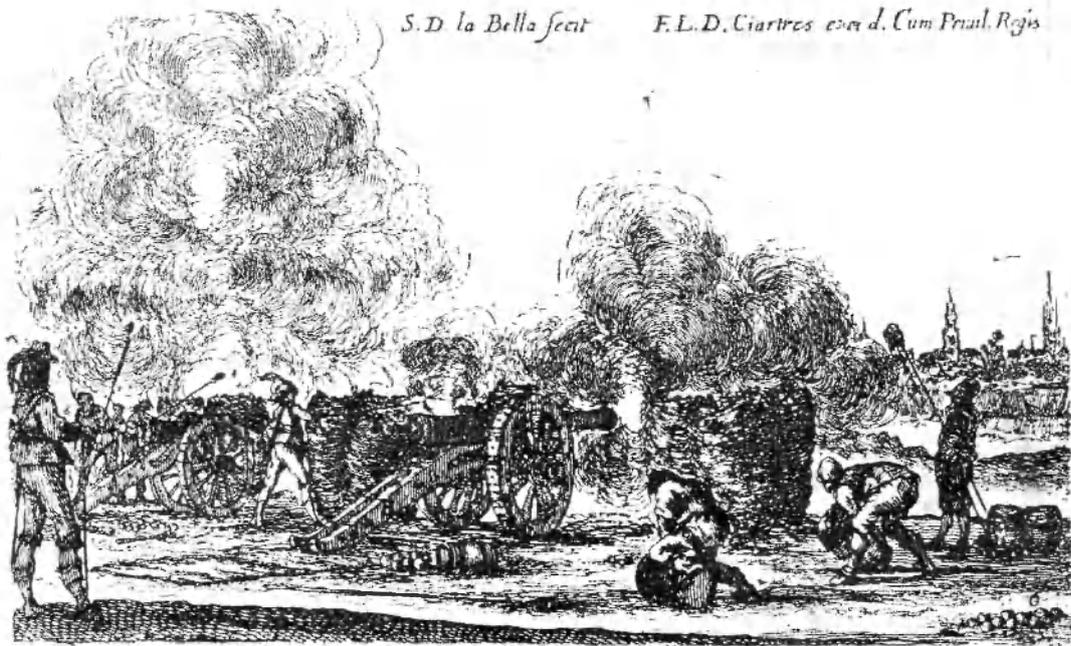
Вся тѣсная церковь на Смоленскомъ была такъ полна, что нельзя было повернуться. Ученицы испуганно жалась другъ къ другу, многія плакали громко. Заупокойная обѣдня тянулася долго. И въ теченіе всей долгой обѣдни его дочка, лѣтъ 12-ти, блѣкучая, немовожно рыжеватая, такъ похожая

на нею съ такими же тонкими и подвижными чертами, стояла надъ самымъ гробомъ и гладила перебирая его волосы и руки, и цѣловала его лицо, и плакала беззвучно, и слезы все капали въ гробъ... И сначала не было силъ удержаться отъ слезъ, а потомъ все тише и тише становилось на душѣ у всѣхъ,—и, когда понесли гробъ на кладбище, казалось, что все горе отъ смерти перешло въ эту дѣтскую любовь къ нему, которую онъ оставилъ послѣ себя.

Владиміръ Гиппюсъ.

Стефанъ Белла Белла. (1610—1664.) Польскій крылатый гусарь.

Стефано делла Белла. (1610—1664.) „Война“.

ВЪСТИ И МНѢНІЯ.

Въ „Бродячей Собакѣ“.

Въ подвалѣ „Бродячей Собаки“ состоялся вечеръ Маяковского, недавно обновившаго свою извѣстность бурнымъ инцидентомъ на одномъ изъ предшествовавшихъ вечеровъ. Подробности послѣдняго къ сожалѣнію не могутъ быть преданы, такъ какъ въ печати по необходимости эти „подробности“ замѣняются точками. Во всякомъ случаѣ для успѣха новаго выступления потребовалось заявленіе Н. И. Кульбина томъ, что Маяковский на этотъ разъ будетъ вести себя въ стилѣ Louis XIV.

„Король-Солнышко“ выступилъ съ докладомъ, въ которомъ, несмотря на отвлеченное заданіе, пытался определеннымъ образомъ освѣтить отношеніе футуризма къ войнѣ. Хотя Игорь Сѣверянинъ и былъ за свое извѣстное „пройтись по Морской съ шатенками“ названъ безпринципнымъ, однако никакого принципа, кромѣ простого восхваленія жертв и разрушенія

(„Слава взрывающимъ фугасы!

Слава сметающимъ крѣпости!“),

въ докладѣ Маяковского вывести было нельзя.

Отводя моральные вопросы въ исключительную компетенцію „помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“, Маяковский тѣмъ не менѣе патетически перечислилъ жертвы, принесенныя футуристами на алтарь отечества, хотя при такой конструкции футуристы оказываются просто рыцарями разрушенія.

Футуризмъ пытается въ наше „зажарѣвшее ухо втиснуть новое слово“. Въ приложеніи къ войнѣ выраженіе „безумье и ужасъ“ уже не запугаегъ насъ, и потому футуристы ломаютъ и комкаютъ языкъ, чтобы добиться первичной остроты впечатлѣнія. Однако вопреку слову „желѣзную“, въ которомъ должны слышаться и лязгъ желѣза, и что-то необходимое приложеніе, и ужасъ, послѣдняго во всякомъ случаѣ не вызываетъ, несмотря на всѣ увѣренія Маяковского. Впрочемъ это уже — дѣло нервовъ.

Стихотворенія Маяковского, представляющія въ звуковомъ отношеніи невыносимую какофонию, хороши тѣмъ, что не являются принадлежностью футуристической теории,—хороши своей острой и выпуклой образностью.

„Сквозь жизнь я тану миллионы огромныхъ и чистыхъ любовей и миллионъ миллионѣвъ маленькихъ, грязныхъ любовей“.

„Черствая булка вчерашней ласки“,

„Ковно ломаетъ ломкіе пальцы улицъ“,

„Птица подбирается пѣсней“.

Эти живыя мѣста проблематически дѣлаютъ возможнымъ добрососѣдскія отношенія футуристовъ съ представителями другихъ теченій, какъ это осуществлено уже въ недавно вышедшемъ сборникѣ „Стрѣлецъ“.

Къ сожалѣнію Маяковский производитъ впечатлѣніе жестоко ушибленного критикой человѣка. На фонѣ его храбрыя, эпатирующей наглости убѣдительно звучала искренняя и взволнованная рѣчь „папы русскаго футуризма“, Н. И. Кульбина.

„Товко-художественное общество“, собравшееся въ подвалѣ, съ равнымъ жаромъ аплодировало и дерзаніямъ Маяковского, и остроумнымъ словамъ Озаровскаго, съ проной предложившаго Маяковскому званіе „пушкинскаго стипендіата“.

Соглядатай.

Нѣмое искусство.

Увлеченія Мейерхольда всегда интересны—въ нихъ часто много ошибочнаго, недуманнаго, лишняго, но въ то же время всегда чувствуется жажда движенія, новой, красочной сценичности, стремленіе къ оригинальному разрѣшенію театральныхъ проблемъ.

Итальянская комедія dell'arte не есть вовсе трупъ, который школа Мейерхольда пробуетъ гальванизировать; при наличности художественнаго чутія у руководителей и достаточно одареннаго артистическаго персонала всегда окажется

возможным воскресить беззаботную, яркую сказку давно прошедших лѣтъ. Въ первомъ спектаклѣ студии было много ненужнаго—растянутость программы, иногда слишкомъ вялый темпъ исполненія. „Саламанская пещера“, интермедія Сервантеса, могла бы не идти вовсе,—переводъ Островскаго руссифицируетъ ее до крайности, что вовсе не вяжется съ условной постановкой, и кромѣ того словесныя роли исполнялись слабо—голоса плохо поставлены, звучатъ глуховато и порою фальшиво, и въ концѣ концовъ пьеса утомляетъ слушателя однотонностью. Вообще вопросъ о словесномъ художествѣ—больное мѣсто студии; хотѣлось бы видѣть разработку вопроса о сценической импровизаціи, тогда школа приобрѣла бы несомнѣнно громадное значеніе, особенно въ наше время, когда театръ страдаетъ фатальнымъ безъискусствомъ и мало-по-малу замыкается въ пошлый кругъ анекдотовъ и кинематографическихъ мелодрамъ.

Въ интермедіяхъ студія показала свое истинное лицо—почти акробатическую технику движенія, великолѣпныя группировки, строгую, отчетливую ритмику. Особенно удачно прошли двѣ сцены изъ „Гамлета“; во второй изъ нихъ г-жа Бочарникова—Офелія—показала очень много интереснаго: выразительную миимику, стильныя разнообразныя жесты. „Три апельсина“ можно было бы опустить; интермедія эта слишкомъ интимна, слишкомъ домашнего характера и не годится для публичныхъ спектаклей.

Мейерхольдъ со своимъ помощникомъ В. Н. Соловьевымъ сдѣлалъ много интереснаго для нѣмого искусства, а съ любопытствомъ, весело смотрѣлъ пантомимы (а среди публики были раненые и дѣти, имъ тоже нравились прыжки и пляски комедіантовъ). Теперь же будемъ ждать осуществленія сценической импровизаціи, желая всей душой, чтобы и эти труды создали такой же интересный спектакль, какъ веселявшее насъ нѣмое искусство пантомимы.

Димитрій Крючковъ.

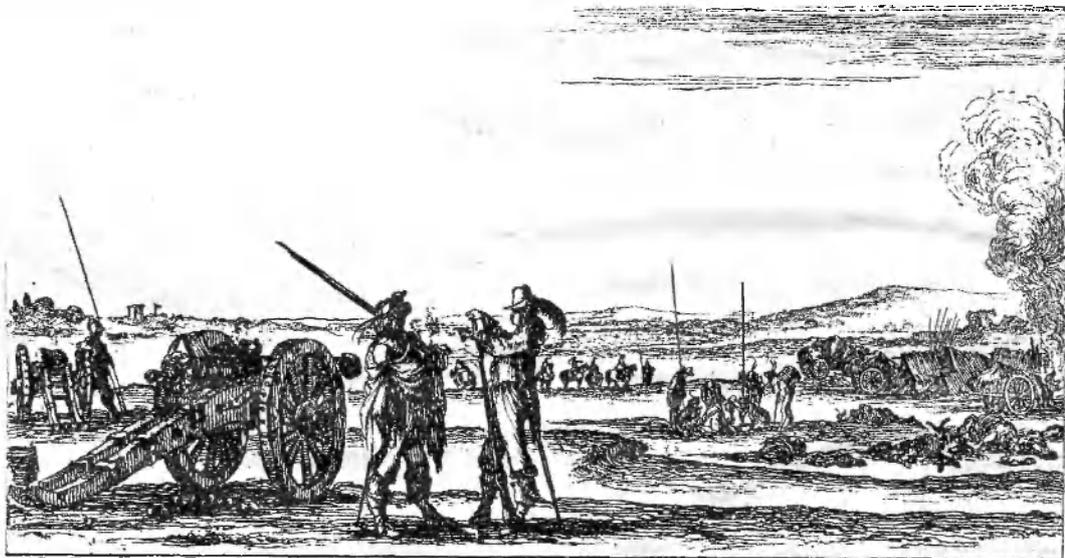
ХРОНИКА.

Къ числу неосуществившихся, по милости войны, надеждъ и ожиданій прошедшаго года надо отнести полное собраніе сочиненій Аполлона Григорьева. Такое изданіе, мы слышали,

готовилось подъ редакціей г. Спиридонова. Н. Н. Долго собирался выпустить сборникъ статей Григорьева о театрѣ. Эти изданія въ свое время не появились, но теперь въ книжномъ рынкѣ, почти замершемъ въ началѣ войны, замѣчается нѣкоторое оживленіе. Коснулось оно и Аполлона Григорьева. Издательство К. Ф. Некрасова собирается выпустить стихотворенія Григорьева (подъ редакціей Ал. Блока). В. Ф. Саводникъ началъ издавать Григорьева враздрѣ отдѣльными выпусками. Пока вышли три—„Горе отъ ума“, „Развитіе идеи народности въ нашей литературѣ со смерти Пушкина“ и автобіографія—„Мои литературныя и нравственныя скитальчества“ (съ ведурнымъ біографическимъ очеркомъ вступительными статьями и примѣчаніями, написанными Саводникомъ). Книжки изданы хорошо и недорого. Такого способа изданія имѣетъ свои удобства, особенно для читателей, но нельзя не пожелать, чтобы хоть изъ отдѣльных выпусковъ составилось наконецъ полное собраніе произведеній Григорьева.

Находящійся въ Петроградѣ Андрэ Антуанъ прочелъ лекцію, посвященную исторіи французскаго театра, начиная съ эпохи Пьера Гренгуара, автора мистерій и народныхъ фарсовъ эпохи Людовика XII, и кончая молодымъ драматургомъ Сашей Гитри. Въ пьесахъ послѣдняго, проникнутыя юморомъ и ироніей, Антуанъ видитъ новое слово въ области современной французской драматургии.

Странная судьба Антуана! Когда-то онъ основалъ въ Парижѣ первый воистину реалистическій театръ, такъ называемый «Théâtre libre» («Свободный театръ»). Велъ тамъ жестокую борьбу съ условностями «Comédie française» (казенной драмы). Въ эпоху министерства Бриана, его близкаго друга, Антуанъ сталъ директоромъ правительственнаго театра «Одеонъ». Расположенный на лѣвомъ берегу Сены, театръ этотъ находится въ самомъ центрѣ молодой, умственной и передовой жизни Парижа. Казалось, именно тутъ, Латинскомъ кварталѣ, Антуанъ могъ рассчитывать на успѣхъ. Но успѣха онъ не нашелъ. Отъ молодыхъ онъ не сталъ, къ старымъ не присталъ. Антреприза кончилась промахомъ. На старости лѣтъ Антуанъ запутался въ долгахъ съ горькимъ осадкомъ на душѣ остался не у дѣлъ. Пребываніе въ Парижѣ ему было тягостно, и онъ отправился въ Константинополь, насадить тамъ французскую драму. Вотъ заставила его уѣхать оттуда, и вотъ онъ появился въ Россіи, въ качествѣ гастролера, на сценѣ Михайловскаго театра. Личная трагедія этого мятежнаго художника совпала съ трагедіей міровой.

S. D. la Bella fecit

F.L.D. Carrus exsud. Cum Privil. Regis 3

Стефано дельла Белла. (1610—1664.) „Война“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

У

С

3 1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 ГОДЪ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

РЪЧЬ

10-ый
годъ издания.

10-ый
годъ издания.

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

И. И. ПЕТРУНКЕВИЧЕМЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ

П. Н. Милокова и И. В. Гессенд

и ПРИ ПРЕЖНЕМЪ СОСТАВѢ СОТРУДНИКОВЪ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РЪЧЬ“ на 1915 ГОДЪ,

вышедшимъ до 1-го февраля подписную плату не менять, чѣмъ за полгода, будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО**

**ЕЖЕГОДНИКЪ
ГАЗЕТЫ „РЪЧЬ“**

на 1915 г.;

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОЙНѢ.

Время разсылки „ЕЖЕГОДНИКА“ будетъ зависеть отъ хода военныхъ событий.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м.	9 мѣс	6 мѣс	5 мѣс	4 мѣс	3 мѣс	2 мѣс	1 мѣс
Въ Россіи Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15
За границу Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихъ въ вашихъ учебныхъ заведеніяхъ, фершеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ **при въведеніи ственникомъ въ главную контору:** на 12 м.—9 р. 9 м.—6 р. 75 к. 6 м.—4 р. 50 к. 3 м.—2 р. 40 к. 1 м.—85 к.

Адресъ Главной конторы газеты „РЪЧЬ“:

Петроградъ, улица Жуковского, 21—121.

Пробные №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія
высылаются бесплатно.

УГРИ,

жи, жиров, выдѣл. и желт. пятна стож. безслѣдно въ 1—2 недѣли въ безвредн. домашн. средствомъ. ыш. флаконъ, съ наставл., хватающ. же время, высылаю немедл. наложн. за 1 р. 75 к. съ перес. и упаков. учила массу благодар. со всѣхъ кон. Россіи. Предл. моему прошу въ оно **ИСКРЕННО и ЧЕСТНО.** Адресъ: ца, Долгоруковская улица, № 11, г. 12, Мария Егоровна Чурбанова.

ПОРТНЫМЪ
высыл. бесплатно
ОБРАЗОВАНИЕ
какъ улучшить свое
положеніе. Укажите
Вашъ адресъ и адреса
своихъ знакомыхъ.
ПОСРЕДНИКЪ
ДЛЯ ПОРТНЫХЪ,
гор. Рига, 752.

Только ФРАНЦУЗСКІЕ и АНГЛІЙСКІЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛИ

МУЖСКІЕ: отъ 1 руб. до 6 руб. луж.
ЖЕНСКІЕ: золотые приборы отъ 14 руб. до 18 руб. шт.
серебряны. „ отъ 6 руб. до 7 руб. шт.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКИХЪ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ
Петроградъ, „ГИГИЕНА“, Невскій. 74—17.

Въ Анц. О-вѣ Издательства **А. А. КАСПАРИ**
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ. КАТАЛОГЪ
высыл. **БЕЗПЛАТНО.**

Въ Акц. Общ. **ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., 114,**
продаются слѣдующія книги:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ **Э. ВЕРНЕРЪ**

(романовъ, повѣст. и разск. знаменит. европейск. писателя)
Всѣ романческія произведенія этого выдающагося автора проникнуты удивительнымъ благородствомъ мысли, тонкостью анализа и увлекательностью изложенія. Вернеръ вводитъ читателя въ кипучую борьбу съ жизнью; герои или торжествуютъ при своей правотѣ, или гибнутъ жертвами своихъ страстей и нарушенія тѣхъ великихъ, которыя предписываетъ нравственный долгъ. Обработка темъ захватываетъ все вниманіе читателя. Въ это полное собраніе входятъ: 1) „Своей дорогой“, 2) „Зарницы“, 3) „Два міра“, 4) „Фея Альпъ“, 5) „Винета“, 6) „Руны“, 7) „Миражъ“, 8) „Заклятое золото“, 9) „Гонцы весны“, 10) „Цвѣтокъ счастья“, 11) „Судъ Божій“, 12) „Источникъ жизни“, 13) „Благородная дичь“, 14) „На честное слово“, 15) „Браконьеръ“, 16) „Почему?“, 17) „Высшая точка зрѣнія“, 18) „Архистратигъ“, 19) „По слѣдамъ“, 20) „Выбирай“, 21) „У алтаря“, 22) „Дорогой цѣнѣ“, 23) „Германъ“, 24) „Проклятъ и прошенъ“, 25) „Герой пера“, 26) „Отзвуки родины“, 27) „Орлиный полетъ“, 28) „Въ добрый часъ“, 29) „Эгоистъ“ и друг.
ЦѢНА за ВСЕ СОБРАНИЕ только ЧЕТЫРЕ (4) руб. съ перес.

Полное собраніе сочиненій **В. КРЕСТОВСКАГО**

знаменитаго бытописателя русской жизни громадной и интересной эпохи 1850—1890 гг. **РОМАНЫ, повѣсти, рассказы, очерки, драматическія произведенія въ ШЕСТИ ТОМАХЪ** (свыше 6000 стран.)
ЦѢНА ШЕСТЬ (6) рублей съ пересылкой.

15 ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ

- 1) „На всю жизнь“. (Эпоха импер. Александра I) Цѣна 60 к.
- 2) „Невольная преступница“. (Эп. Екатерины II) Цѣна 35 к.
- 3) „Живой мертвецъ“. (Эп. импер. Павла I) Цѣна 35 к.
- 4) „Последніе орлы“. (Эп. импер. Николая I) Цѣна 40 к.
- 5) „Пагина жизни“. (Изъ жизни адмир. Нельсона.) Цѣна 45 к.
- 6) „Русскій американецъ“. (Эп. Александра I) Цѣна 47 к.
- 7) „Могильный цвѣтокъ“—8) „Возлюбленная фаворита“—9) „Вѣнценосный рабъ“. (Эп. Людовика XV, Екатерины II и Густава III.) Цѣна трехъ романовъ 80 коп.
- 10) „Нрасотна-еврейна“—11) „Нороль-сердцѣдъ“—12) „Поиски красавицы Нанси“—13) „Приключенія червоннаго валаета“—14) „Походенія валаета трефъ“—15) „Варфоломеевская ночь“—(Изъ серіи „Молодость Генриха IV“) Цѣна шести романовъ 1 руб.

ЦѢНА всѣхъ 15 романовъ 3 р. 75 к. съ пересыл.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ **О. ШУБИНА**

(роман., повѣст. и разск.)
Произведенія Ос. Шубина отличаются богатымъ содержаніемъ, въ высшей степени интересной романческой интригой и широкимъ развитіемъ дѣйствія. Затрагивая самыя различ. стороны жизни, они имѣютъ своихъ героями представителей самыхъ разнообразныхъ классовъ общества и въ особенности высихъ его слоевъ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ **ОСИПА ШУБИНА**

содержитъ въ себѣ слѣдующія произведенія: Чары полнолунія. Ром.—Последняя ставна. Ром.—Борисъ Ленсин. Ром.—0, если бы уже была зима! Ром.—Усталое сердце. Пов.—Сломанныя крылья. Ром.—Мертвая весна. Ром.—Дологъ, та. Пов.—Бальный залъ графа Линнебенъ. Легенда.—Весенняя мечта. Раз.—Слезы матери. Легенда.—Азбень Ром.—Честь. Ром.—Среди своихъ. Ром.—Майская ночь. Раз.—Слава побѣжденнымъ. Ром.—Откуда въ мѣръ этотъ диссонансъ. Ром.—Въ тихомъ уголкѣ. Ром.—Исторія одного генія. Пов.—Блуждающая искорка. Повѣсть.
ЦѢНА за ВСЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ только 3 р. 50 к. съ пересыл.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціей **Д. В. ФИЛОСОФОВА**, въ **32-хъ КНИГАХЪ** (до **9.000** стран. текста въ $\frac{1}{4}$ долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **биографія**. Обложка художника **Д. М. Митрохина**.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. И. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:— „Война и Миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцерова соната“, „Воскресеніе“, „Дѣтство, отрочество и юность“, „Казакъ“, „Утро помѣщика“, „Семейное счастье“, „Декабристы“, „Записка маркера“, „Два гусара“, „Поликушка“, — **РАЗСКАЗЫ**:— „Набѣгъ“, „Севастополь“, „Рубка лѣса“, „Встрѣча въ отрядѣ“, „Метель“, „Альбертъ“, „Люцернъ“, „Три смерти“, „Холстомъръ“, „Тихонъ и Маланья“, „Идилля“, „Смерть Ивана Ильича“, „Хованщיןъ и работникъ“, „Корней Васильевъ“, „За что?“, „Ягоды“, „Пѣсни на деревнѣ“.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“, „Живой трупъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, „Отъ ней всѣ качества“.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:— „Хаджи Муратъ“, „Отецъ Сергій“, „Дьяволъ“, „Послѣ бала“, „Фальшивый купонъ“, „Алеша Горшокъ“, „Зеленая палочка“, „Записки сумасшедшаго“, „Два спутника“, „Кто правъ?“, „Отецъ Василій“, „Кто убійца?“, „Гермонахъ Исидоръ“, „Ходынка“ и проч. — **ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА**:— „Чѣмъ люди живы“, „Первый винокуръ“, „Ходите въ свѣтъ“, „Каюшійся грѣшникъ“ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:— „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра?“, „Христіанское ученіе“, „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, „Что такое религія“, „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“ и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг. — **КРУГЪ ЧТЕНІЯ**. — **СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія. — **ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр. и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году

въ видѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ **ЖУРНАЛАМЪ**:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II

„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонко-художественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи **Д. В. Филоسوфова**.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Веркоустинскаго, З. Гиппиусъ, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: В. Веселовскаго, Владимира Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайнего, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нежитайло-Андрѣенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ **ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ**

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта — **2 р.**, къ 1-го іюня — **2 р.**, къ 1-го августа — **1 р.**

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ — **4 р. 50 к.**, за полгода — **2 р. 50 к.**, за 3 мѣс. — **1 р. 35 к.**

Пробные номера — 20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА **А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ**: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами — новинками русской и иностранной литературы и проч. **ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ**

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также

12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (домовод), **ОТРЫВНОЙ**

КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ на 1916 г., изящная **КАРТИНА-ПРЕМІЯ** — „СВИДАНІЕ“ и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ **ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ** **Л. Н. ТОЛСТОГО.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **7 р. 50 к.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го іюня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ **66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ** и **50 КНИГАМИ** ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ **Льва Ник. Толстого**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — **ДВА (2) р.**, къ 1-го марта — **1 р. 50 к.**, къ 1-го іюня — **1 р. 50 к.**, къ 1-го августа — **1 руб.**

Необходимо при уплатѣ ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, печатально ли получить журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книгъ, а журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ — съ 82-мя или 50-ю книгами сочиненій Л. Н. Толстого.

Ввиду высокой цѣнности для купителяго мира творчества Л. Н. Толстого будетъ обращено особое вниманіе на ПЛАТЕЛЬНОСТЬ ПЕЧАТАНІЯ и ИЗЫЩЕСТВО ИЛЛЮСТРАЦИОННАГО ВИДА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.